

Дуглас Брайан Кхитайская Печатка

Конан привык похищать женщин. Но чтобы женщина похитила его... Да ещё не просто женщина, а женщина – дракон, которая не хочет быть драконом. А тут и сундучок, который вовсе не сундучок, попадает в руки. И приходится Конану решать все проблемы сразу.

Конан эту женщину заметил сразу.

Во-первых, она путешествовала одна. В Вендии такое встретишь нечасто. Разумеется, у нее имелись слуги: какие-нибудь конюхи, носильщики паланкинов, личные повара и все такое – все, что полагается знатной госпоже, которая зачем-то отправилась в путь. Все эти люди «не считались». Кто они такие, в конце концов, чтобы обращать на них внимание? Просто «говорящие предметы обстановки». Одного можно заменить другим, и никто не заметит разницы.

Она путешествовала одна в том смысле, что при ней не было спутника-мужчины, равного ей по положению. Ни отца, ни мужа, ни брата, ни опекуна.

Закутанная в плотное темно-зеленое покрывало с золотым волнообразным узором, она вошла в придорожную таверну как раз в тот момент, когда Конан расправился с первым кувшином вина и потребовал второй. При виде этой фигуры, угадывавшейся под тканью, киммериец отставил кувшин и уселся поудобнее, желая понаблюдать за женщиной.

Наверное, это было невежливо. То есть, это наверняка было верхом нахальства – развалиться на скамье, заложив руки за голову, и уставиться на вошедшую откровенным, раздевающим взглядом. Но, в конце концов, рассудил про себя Конан, они не в королевском дворце и не при королевском дворе, поэтому некоторые правила «цивилизованных людей» здесь могут быть отменены. Придорожные таверны принадлежат таким, как он, Конан-варвар, а если разным странствующим без спутников красоткам это не по нраву – что ж, никто не заставлял их отправляться в дорогу.

Завершив это раздумье вполне логичным и удовлетворительным выводом, Конан преспокойно взялся за кувшин и налил себе в кружку. Обглоданные кости лежали рядом с ним на блюде – варвар только что неплохо закусил бараньей ляжкой и теперь отдыхал. Деньги у него водились. Может быть, это были не вполне его собственные деньги, но владелец их остался далеко и вряд ли смог бы заявить претензии на туго набитый кошелек, расшитый бисером и золотыми бусинами.

Что касается Конана, то он давно забыл об этом неудачнике. По правде говоря, они даже знакомы не были. Так, случайная встреча в толпе. Такими делами Конан промышлял время от времени, когда подворачивался случай.

Тем временем закутанная в покрывало женщина уселась за дальний столик у стены. Конан оценил плавный изгиб ее бедер, изящество жеста белой руки, которым она подозвала к себе хозяина. Тот подбежал очень быстро и наклонился над ее плечом – воплощенная услужливость. Она что-то проговорила тихим голосом, и хозяин, кивнув, тотчас поскакал выполнять заказ.

«Интересно, что она потребовала? – лениво гадал Конан, прихлебывая из кружки. – Наверняка какой-нибудь нектар для деликатного горлышка. Сладеньких маленьких пирожных с фруктовым кремом, которые так любят здешние женщины».

Тут ему в голову пришло воспоминание о некоторых из здешних женщин. В Вендии Конан был недавно, но знакомство с прекрасным полом свести успел. Несколько минут Конан предавался грезам. Затем он снова обратил взор в сторону незнакомки.

Хозяин уже принес ей заказ. Во все не маленькие сладкие пирожные, как предполагал Конан, и отнюдь не нектар в узеньком кувшинчике. На подносе стояла кружка, полная густого темно-красного вина, и в глиняной плошке – копченый свиной пятачок с печеными

фруктами. Это насмешило Копана и вместе с тем заинтересовало его. Либо красавица очень уверена в себе, если заказывает такое (и в таких количествах!), либо она – женщина-воин, либо...

«Либо она вовсе не красавица, и ей нечего опасаться назойливых ухажеров, которые, конечно, не преминут воспользоваться ее несколько расслабленным состоянием, – подытожил про себя Конан. – Потому что проглотив такое количество горячительного напитка, она, несомненно, почувствует себя довольно свободной. Да, свободной. От уз этой их так называемой цивилизации».

Он хмыкнул себе под нос, но тут же подавился смешком. Женщина поблагодарила хозяина кивком головы, придвинула к себе поднос и слегка отвела от лица покрывало.

Взору любопытного варвара предстало ее лицо. Зрелище оказалось настолько неожиданным, что Конан облился вином – кружка сама собою подпрыгнула у него в руке. Пока он, ругаясь, обтирался ладонью, женщина, по-видимому, совершенно невозмутимая, приступила к трапезе.

У нее оказались ослепительные светлые волосы, заплетенные в тугую прическу. Сначала Конан подумал было, что красотка носит на голове золотую сетку – так поступают некоторые вендийские модницы – но нет, светились именно волосы. И глаза тоже оказались светлыми. Вендийки темноглазы – о влажном блеске их очей, подобных ночи, немало написано стихотворных строф. Даже Конан слышал одну-две от подвыпивших поэтов, забредавших в таверны и зарабатывавших себе на выпивку сочинительством и чтением стихов. А эта – зеленоглазая. И кожа у нее белая, как атлас. В Бритунии такая девушка не вызвала бы особого интереса. Впрочем, она была довольно хороша собой. И все-таки, ничего выдающегося в ее красоте не было.

Но встретить эдакое чудо в Вендии! В вендийских одеждах! Без спутника!

Почти невозможно.

Почти. Для случайности всегда остается лазейка. Это Конан уже усвоил за годы, проведенные в странствиях по самым разным землям Хайбории.

Хрящи так и трещали на зубах у красотки. Конан с деланным равнодушием глотал вино, разглядывал потолок и чесался. Он находился в пути уже несколько дней. Пыльные, спутанные черные волосы, о которые варвар имел обыкновение вытирать сальные пальцы, имели совершенно дикий вид. Синие глаза киммерийца смотрели сонно. Со стороны он выглядел человеком, который устал, сытно поел и теперь дремлет над кружкой.

Удивительная блондинка трудилась над мясом с усердием, поденщика, который надеется на премиальные выплаты от хозяина. Ее белые зубки так и точили нежное копченое мясо. Яркие глаза поблескивали в тусклом свете факелов. Она, казалось, немного забавлялась происходящим.

Конан почувствовал на себе ее взгляд и слегка передвинулся. Нет сомнений: она рассматривает его. Ну и ну!..

Киммериец приветливо ухмыльнулся в ответ и махнул рукой, показывая на кувшин с вином – впрочем, опустевший уже более чем наполовину.

Она фыркнула и забрызгала жиром свое роскошное шелковое покрывало. Это насмешило ее еще больше. Она расхохоталась, откинув голову. Конан с легким недоумением смотрел на ее нежное белое горло, похожее на голубиное. Нет, эта женщина – не воин. И не страхолудина. Нечто другое. И тем не менее она ничего не боится.

Может быть, она просто доступная женщина? Куртизанка высокого полета в поисках пикантных приключений? Эти тоже ничего не боятся, даже демонов преисподней.

Но что-то подсказывало киммерийцу: нет, дело совершенно в другом. Незнакомка не выглядела легко доступной. Для того, чтобы ей понравиться, мужчине следует хорошенько постараться. И даже это еще не дает ему уверенности в том, что она пустит его в свою постель.

– Иди сюда! – позвал ее Конан и снова помахал рукой. – Я угощаю!

– Ладно, – легко согласилась она. Незнакомка подхватила правой рукой блюдо с

наполовину обглоданным свиным пяточком, а левой подобрала покрывало и мелкими шажками, путаясь в длинном, причудливом одеянии, приблизилась к варвару. Конан любезно подвинулся.

Девушка уселась, заботливо разместила складки мудреной юбки, так чтобы они красиво очерчивали ее колени, струились вдоль стройных лодыжек и полукругом ложились на полу у стоп.

– Сними ты это покрывало, – посоветовал Конан дружеским тоном. – Только испачкаешь напрасно. То есть, мне, конечно, все равно, но женщины обычно огорчаются. Насажают пятен на платье, а потом рыдают и бьют по щекам служанок -- зачем не могут отстирать!

– Я своих служанок не бью, – сказала женщина преспокойно.

– Вероятно, ты их ешь, – предположил Конан, покосившись на нее.

– Совершенно верно, – подтвердила она, снова принимаясь за мясо.

– Меня зовут Конан, – снова заговорил варвар, решив быть очаровательным.

Она назвала свое имя – Хлависа.

– Я из Киммерии, – продолжал Конан.

– А я из Вендии, – ответила Хлависа. – Продолжим?

Конан понял, что она втягивает его в какую-то игру, и решил поддержать ее. Не уступать же женщине!

– Я путешествую один, – сказал он.

– Я тоже.

– Я стану королем, – поведал киммериец.

– А я нет, – отозвалась девушка.

– Ты замужем?

– Нечестно! Ты должен был что-то сообщить о себе, а я отвечу тем же, – девушка хлопнула ладонью по столу.

– Ладно. Я не женат.

– Я тоже.

– Ты хочешь сказать, что у тебя нет мужа?

– Я хочу сказать, что у меня тоже нет жены.

– Проклятье! Ты слишком ловко играешь! – возмутился Конан. – Кто устанавливает правила игры?

– Я, – объявила Хлависа.

Конан насупился. Ему показалось вдруг, что его обманули.

– Ты мне нравишься, – пошел он напролом. – То есть, я хочу сказать, что ты меня заинтересовала. Ты красивая и таинственная. Откуда в Вендии могла взяться такая красота?

– Ты неправ, – возразила девушка, – в Вендии немало очень красивых женщин. Просто они кутаются в покрывала – вот ты и не смог их разглядеть как следует.

– Некоторых я уже успел разглядеть, причем именно как следует, – заверил Хлавису варвар. – Можешь мне поверить, я разбираюсь в женщинах. Ты не такая, как они. В Бритунии ты была бы довольно заурядным явлением, но здесь...

– Заурядным? – Лицо Хлависы окаменело, взгляд неожиданно стал опасным.

Конан смутился, и это разозлило его.

– Ты поняла, что я имел в виду. Но она не поддержала его.

– Нет, не поняла.

– Хлависа, твой тип распространен на севере, но не здесь, не под этим небом. Я это хотел сказать. Ты очень красива.

Она потянулась, зевнула. Это был в высшей степени соблазнительный зев. Конан даже задохнулся, когда увидел этот розовый язычок и приоткрытые пухлые губы.

– Да ладно, что нам с тобой делить! Конечно, я поняла, что ты хочешь сказать. Да, я красива, но мой тип распространен на севере. И тем не менее я родилась в Вендии и никогда не бывала дальше Султанапура.

– Поразительно! Может быть, твоя мать была из чужой страны? Или я задаю слишком много вопросов?

– Слишком много вопросов, – сказала Хлависа. – На них существует только один ответ. Точнее, ответов два, и оба честные.

– Я удовлетворюсь любым.

– Ладно. Тогда ответ первый: я не знаю.

По лицу Конана она увидела, что ее собеседник разочарован. Хлависа тихонько рассмеялась.

– Ты же обещал, что удовлетворишься. – Я не думал, что ты ответишь так.

– Но это честный ответ.

– А есть еще один? Еще более честный?

– Возможно. Но ты его не получишь.

Конан нахмурился, однако его плохое настроение быстро развеялось. Красавица взяла его за руку, придвинулась ближе, и он ощутил тепло, исходящее от ее тела. Оно было таким горячим, что Конан вздрогнул от неожиданности.

– Ты не больна?

– Нет. У меня всегда повышенная температура. Нечто вроде постоянной лихорадки.

– Не хочу тебя пугать, Хлависа, но люди с постоянной лихорадкой долго не живут. Когда мы с одним пареньком бежали с галер – это было на севере Стигии... Впрочем, тебя подобные детали не должны занимать. Важно другое. У моего спутника тоже была постоянная лихорадка и, клянусь Кромом, он помер от нее на третий день побега! Правда, помер он свободным человеком, под чистым небом и все такое, но свое дело она сделала. То есть, свела его в могилу. Как есть, свела в могилу.

– Большое спасибо, – ответила Хлависа. Конан моргнул. Ее это позабавило.

– Да нет, – ее пальцы ласково сжали широкую ладонь варвара, – я действительно благодарна тебе за заботу. Однако я вряд ли умру так, как умер твой бедный приятель. Обещаю, этого не случится.

– Хорошо, – проворчал Конан, смущенный. Она засмеялась прямо ему в ухо. Он ощущал

ее дыхание, улавливал чуткими ноздрями горьковатый, волнующий аромат ее кожи и волос.

– Ты обещал угостить меня выпивкой, – напомнила Хлависа.

Хозяин уже стоял наготове с кувшином. Все это время он поглядывал в сторону парочки, прикидывая, когда настанет удачное время и можно будет всучить им еще вина. Эти двое пили от души и платили щедро, а что еще требуется от постояльцев?

Возможно, они даже останутся на ночь. Он отведет их в лучшие покои. И сдерет за понимание, деликатность и предупредительность по тройной цене. Они могут себе позволить заплатить втрое. Да, несомненно...

– О, да ты читаешь мысли на расстоянии! – воскликнула Хлависа и несколько раз хлопнула в ладоши.

Хозяин поклонился.

– Угадывать мысли клиентов – моя работа.

– Надеюсь, тебе за нее больше никто не платит, – фыркнул варвар.

– Что господин имеет в виду? – повернулся к нему хозяин с крайне оскорбленным видом.

– Господин имеет в виду шпионаж. Подозрительные типы, слишком плохо одетые и слишком щедро расплачивающиеся золотом – например.

– В Вендии ворами отрубают правую руку, – важно молвил хозяин, – однако ни один из моих постояльцев не является вором. Я в этом твердо уверен.

– Я тоже, – проворковала Хлависа и отпустила хозяина величавым взмахом руки.

Когда трактирщик удалился, она повалилась головой Конану на плечо и тихонько, гортанно засмеялась. Варвар ощущал, как вибрирует ее тело. Не в силах больше противиться

искушению, он сгреб ее в охапку и нежно поцеловал в смеющийся рот.

Они прикончили один кувшин, затем второй. Хлависа пила сама и подливала Конану. То и дело они отставляли кружки и целовались. Голова у Конана шла кругом. Обычно он не напивался – для того, чтобы уложить под стол могучего варвара-северянина, требовалось куда больше, чем три кувшина доброго вина, выпитого в компании с красавицей. Однако то ли Хлависа подмешала что-то в напиток, пока Конан отворачивался, то ли действовали какие-то таинственные чары – но только вскоре Конан обнаружил, что весь окружающий его мир исчез, и остались только огромные зеленые глаза Хлависы, то расширяющиеся, то сужающиеся, и странный, тревожный зрачок в окружении золотистых точек: вертикальный, как у кошки. Затем этот зрачок начал округляться, и наконец тьма поглотила киммерийца с головой, и он исчез, растворившись в ней.

* * *

Конан очнулся и медленно приоткрыл глаза. Сквозь ресницы он огляделся. Вокруг покачивался явственный мираж: что-то блестящее, многоцветное. Настолько не похожее на придорожную таверну, где Конан помнил себя в последний раз, что варвар счел все увиденное просто сном. Он опять опустил веки и поразмыслил. Попробовал согнуть руку, ногу. Нигде ничего не болело. Он не был связан или скован. Тело полностью подчинялось ему. И даже голова не болела.

Конан перевернулся на бок. Потом на живот. Подпер подбородок кулаком, снова открыл глаза.

Его окружала сказочная роскошь. Ослепительный свет изумрудов, рубинов, жемчужин брызнул на потрясенного варвара со всех сторон. Стены, мебель переливались изумительными красками, под потолком (как обнаружил Конан, задрав голову) висели гирлянды искусственных цветов. Нефритовые листья, искусно вырезанные, с позолоченными жилками, тихо покачивались на длинной золотой цепочке; цветы с опаловыми лепестками и яшмовыми пестиками свисали между листьями. Настоящие птицы летали среди этой роскоши. Некоторые растения, впрочем, были настоящими. Они распространяли по комнате изумительный аромат.

Конан сел, ощупал голову. Нет, с головой тоже все в порядке. По-прежнему нечесанные волосы свисают на плечи. К нему никто не прикасался.

Если не считать того, что, пока он спал, его перенесли в это райское место.

Впрочем, насколько это место действительно райское, предстояло еще выяснить. Конан осторожно поднялся на ноги и принялся бродить по комнате. На маленьких столиках, инкрустированных перламутром, стояли кувшинчики, полные разных жидкостей (Конан понюхал некоторые из них и остался недоволен, поэтому отставил их в сторону), и шкатулочки самых разных форм и размеров. Некоторые из них были открыты, и там сверкали драгоценности. Ожерелья, диадемы, браслеты, перстни, просто россыпи камней – не счесть всех сокровищ, что предстали здесь взору пораженного варвара.

Он взял в руки крупный рубин. Камень чистейшей воды. На просвет – ни одного изъяна. За такую штучку можно взять в Арэнджуне целое состояние. Нужно только найти правильного покупателя. Впрочем, в Арэнджуне таковых как раз можно грести лопатой.

Но что-то останавливало Конана от поспешного совершения кражи, хотя пальцы сами собою сомкнулись над камнем и никак не желали освободить прекрасную добычу.

– Ну-ка, – сказал варвар, обращаясь сам к себе. – Сначала следует выяснить, где я нахожусь. Как я сюда попал. Как отсюда выбраться. И, самое главное, – реальны ли все эти замечательные предметы, или с первым лучом солнца они рассыплются и превратятся в глиняную пыль?

Тем не менее он сунул рубин за пазуху.

«Здесь полным-полно побрякушек, – подумал варвар. – Никто и не заметит, если я возьму одну себе».

Он перетрогал все, что увидел в комнате.

– Странно, что здесь не накрыто на стол, – проворчал варвар. – Я бы перекусил. Да и выпить бы не отказался. У меня пересохло в горле. Кром! Где же я все-таки оказался? Не нравится мне эта история.

Женщина. В таверне была странная женщина. Она выглядела как бритунийка. И имя у нее не похоже на вендийское. Хлависа. Золотые волосы и изумрудные глаза. Боги, как она ела! Как она смеялась! Как целовалась!

Конан ощутил жар во всем теле. Хорошо бы сейчас отыскать эту Хлавису и стиснуть ее в объятиях. Кажется, она была не против. А еда и выпивка подождут.

...И куда подевалась прекрасная Хлависа? Не она ли похитила Конана? Он вспомнил, как завораживающе смотрели зеленые глаза. Да, это было последним, что он вспоминал перед тем, как погрузился в забытие.

– Ну, птичка, – фыркнул Конан, – если ты рассчитывала на легкую поживу, то ошиблась. Из меня плохая жертва интриг и колдовства. Надеюсь, ты не имеешь отношения к почтенной гильдии магов. Эту братию я терпеть не могу. Убиваю везде, где встречу, невзирая на лица. Маг всегда опасен, а если колдун – прекрасная с виду женщина, то он опасен вдвойне. То есть, она опасна. Вдвойне и даже тройне.

В глубине души он надеялся, что красавица Хлависа – отнюдь не колдунья, а нечто совсем другое.

Может быть, она – отчаявшаяся красотка, которая нуждается в помощи варвара, но не знает, как выразить словами свою нужду? Это было бы лучше всего. Конан не сомневался в том, что в состоянии легко выполнить все, о чем бы его ни попросила такая чудесная девушка.

Он вздохнул, потянулся.

Из комнаты вела резная деревянная дверь, украшенная двумя наборными панелями из разных пород дерева. Узоры изображали сплетение цветов и листьев и птиц, спрятавшихся на ветвях.

Конан толкнул ее плечом. Дверь легко отворилась, и варвар очутился в следующей комнате. Эта отличалась от предыдущей – если не по роскоши убранства, то по стилю. Она вся была задрапирована роскошными тканями. Некоторые были расшиты золотыми и серебряными нитями.

Занавес на окне представлял собой длинные нити розовых жемчужин, которые слегка покачивались под легким ветерком, проникавшим из внутреннего сада.

Конан выглянул в окно и увидел, что кругом высятся стены, а внизу, среди цветочных клумб и кустов, тихо журчит фонтан. Повсюду среди зелени были расставлены маленькие статуи, вырезанные из редкой, молочно-белой разновидности нефрита. Ласковый свет, струившийся с неба, как бы пронизывал полупрозрачные тела каменных олених, танцующих дриад, изогнутых в прыжке рыб и необыкновенно изящных кхитайских драконов с распростертыми крыльями и извивающимися длинными усами, похожими на усы сома. Растения были подобраны так продуманно, что статуи казались естественным их дополнением.

Конан никогда не был сентиментален в том, что касалось красот природы, однако даже он понял, что видит редкое по изяществу произведение садового искусства.

Впрочем, он почти тотчас отшатнулся от окна, поскольку ему показалось, что некто стоит у него за спиной. Резко обернувшись, варвар едва не сбил с ног прехорошенькую девушку, которая испуганно вытаращилась на него и вцепилась что есть силы в большой позолоченный поднос, который держала в руках. На подносе курилось паром глубокое глиняное блюдо, расписанное голубыми зигзагами. Конан мгновенно учуял запах запеченной в углях утки. И не ошибся. Служаночка принесла варвару, кроме отменно приготовленной птицы, узкогорлый металлический кувшин с изысканным белым вином, корзину фруктов и две лепешки свежего белого хлеба. Все это она протянула киммерийцу и пролепетала что-то на неизвестном языке.

– Спасибо, милая. – Конан взял поднос и едва не выронил его: неожиданно поднос оказался очень тяжелым. Как только хрупкая кроха утащила его в своих тоненьких ручках? Впрочем, в любой женщине может таиться загадка – в этом Конан убедился давно.

Варвар водрузил поднос на один из изящных тонконогих столиков, а сам уселся в мягкое кресло, покрытое шкурой какого-то животного. Шелковистая шерсть приятно щекотала кожу спины.

Девушка продолжала стоять, рассматривая гостя, которому ей приказали прислуживать. Она была настоящая вендийка – смуглая, с ярко выраженной худобой, однако не болезненной, а лишь врожденной. Брови она красила черным, сводя их в единую линию на переносице, а ступни босых ног и ладони краснели охрой. Огромные черные глаза, похожие на олени, горели на тонком лице, густые ресницы мерно взмахивали, словно опахала.

На ней было светло-оранжевое платье с желтой полосой по подолу, уложенное в замысловатые складки. Запястья и щиколотки отягощались золотыми браслетами, такими тяжелыми, что они выглядели не столько украшениями, сколько оковами.

– Ты давно здесь служишь, малышка? – поинтересовался Конан.

Девушка медленно покачала головой в знак того, что не понимает. Конан махнул рукой.

– Неважно.

Он взял ее за подбородок и нежно поцеловал. Она вспыхнула румянцем, низко наклонила голову и убежала. Конан послушал, как удаляется тихонький топоток, усмехнулся и принялся за еду.

Насытившись, варвар оставил блюдо, обглоданные кости, поднос и прочее там, где ел, то есть на полу возле окна, выходящего в чудный садик, а сам отправился осматривать дом. Он побывал в ореховой комнате, где все было сделано из различных сортов этого дерева и где стоял удивительный ореховый запах, такой густой, что, казалось, обладал способностью насыщать тех, кто его вдыхает, без всякой пищи. Заглянул в библиотеку, где хранились свитки и поблескивали в полумраке бронзовые статуэтки, изображавшие зверообразных божеств Вендии. «Интересно, – подумал Конан, окидывая пренебрежительным взглядом полуистлевшие папирусы и куски пожелтевшей ткани, исчерченные различными значками, – почему в таких комнатах у цивилизованных людей всегда стоит тьма, словно в спальне у Сета? Мне кажется, разбирать все эти значки и закорючки можно лишь при ярком свете. Охота же им портить себе глаза!»

Статуэтки божеств понравились ему куда больше, хотя вид некоторых вызывал сомнение. Например, трехглавая женщина с ожерельем из человеческих голов не производила впечатление особы, с которой Конан-киммериец охотно провел бы вечерок-другой. Впрочем, богине мнение варвара было глубоко безразлично. Еще бы! Она ведь бронзовая.

Возможно, будь она из плоти и крови, ее мнение оказалось бы иным.

Эти бессвязные соображения навели Конана на другую, более серьезную мысль: что вчера произошло между ним и белокурой незнакомкой из таверны? Ее ли это дом? Или он случайно оказался неизвестно где? В таком случае, где хозяева? Он не сомневался, что находится в Вендии, но на этом его познания касательно собственного положения в мире заканчивались.

Они целовались, он помнил вкус ее губ. Они пахли земляникой...

Конан улыбнулся. Что за странная женщина! Но очень привлекательная – это несомненно.

– Ясно тебе? – сказал он богине, как бы завершая свои раздумья о женщине.

Роскошному дворцу, где очутился варвар, казалось, не будет конца. Шелковая спальня сменилась туалетной комнатой, где Конан немедленно начал задыхаться и чихать от множества расставленных повсюду коробочек с благовониями, притираниями, пудрами, помадами, краской для глаз, волос, сосков, пупка, ладоней, ступней, щек. Здесь были

склянки с ароматическими маслами, медные кувшинчики, изящно украшенные эмалями, содержащие какие-то едкие капли – возможно, их втирают в виски, чтобы придать себе бодрости. Пудра, серебряная, синяя, золотая, поднималась облаком над круглыми и овальными коробочками из драгоценных камней, едва только любопытный варвар приподнимал крышки. Он и сам не знал, зачем разглядывает все это. Женские ухищрения оставались для него, как и для большинства мужчин такого склада, чем-то загадочным и, в принципе, не особенно нужным. Конана никогда не интересовало, каким способом женщина делает себя привлекательной.

Возможно, он старался отыскать ответ на свои вопросы, Но их не было и здесь, в святая святых красавицы – ее туалетной комнате. И Копан пошел дальше.

В поисках выхода он переходил из помещения в помещение, но повсюду было одно и то же: роскошь и полное безлюдье. В конце концов, все это начало ему изрядно досаждать. Он несколько раз выглядывал в окна, но все они выходили во внутренний садик. Конан с досады даже плюнул туда пару раз и один раз попал в статую, изображавшую нахального вида девицу, которая, подбоченясь, плясала совершенно голая.

– Так тебе и надо, – мстительно произнес варвар и отошел от окна.

Он двигался спиной и потому случайно налетел на очередной столик, каких немало имелось в комнате. Хрупкая тонконогая мебель зашаталась и повалилась набок, как будто Конан ее убил. Лежащий столик напомнил подстреленную антилопу. Варвар не захотел исправлять содеянное. Он вдруг заметил некий предмет, который привлек его внимание куда больше какого-то жалкого столика – будь тот хоть из драгоценнейшего черного дерева, инкрустированного жемчужными и перламутровыми пластинами. Сундучок.

Маленький, прочно запертый сундучок. Он находился под столиком, накрытый шелковым платком, – как будто его, в отличие от прочих вещей, имевшихся в особняке, тщательно прятали. Блестящий, гладко отполированный, металлический сундучок выглядел довольно тяжелым. На нем почти не было украшений – только три разноцветных драгоценных камня, выложенные треугольником, и гравировка – летящий дракон с распростертыми крыльями. Работа явно принадлежала резцу очень искусного мастера, и Конан ненадолго залюбовался ею.

Затем он решил поднять крышку и исследовать содержимое.

Безрезультатно – крышка не желала подниматься. Конан вертел свою находку и так, и эдак, ругался, скреб его ногтями – все бесполезно. Поскольку вещь оказалась не слишком тяжелой – во всяком случае, не такой тяжелой, какой выглядела, – он прихватил ее с собой. Возможно, удастся продать какому-нибудь любителю тайников. Да и металл, из которого выкован предмет, кажется, не простой. Либо драгоценный, либо магический – к такому выводу пришел Конан.

Но на самом деле – он не желал себе признаваться в этом – его разозлила загадка. Он не любил, когда в уме поселялась некая тайна и начинала там жужжать и биться, словно раздраженная муха. Киммерийцу хотелось, чтобы мир был ясным и чистым, без магии, тайна прочих глупостей. И это было главной побудительной причиной, заставившей его забрать сундучок.

Он миновал еще две анфилады роскошно убранных комнат и наконец увидел нечто новое – лестницу. Она уводила куда-то вниз, явно ниже первого этажа здания, сколько мог судить варвар. Он выбрался на ступеньки и огляделся. Ничего. Просто пустые стены. Чуть ниже начинались бесконечные тканые ковры с геометрическим узором. Ковры застилали ступени, скрадывая звук шагов, увешивали стены, поглощая звуки, доносящиеся из помещения.

Конана сильно нервировало то обстоятельство, что он безоружен. Тем не менее при нем оставалось довольно грозное оружие – его собственные руки. Киммериец не сомневался в своей способности в случае надобности разорвать какого-нибудь негодяя на част, не прилагая для этого ни к мечу, ни к кинжалу.

Шаг за шагом он спускался все ниже. Постепенно свет факелов становился все более

тусклым. Все чаще попадались пустые гнезда. Становилось прохладнее. Конан понимал, что спускается глубоко под землю, но это его не останавливало. Из подвала таинственного здания может вести на волю подземный ход. Это было бы очень кстати. Конан пробыл пленником в золотой клетке почти целый день, и это начало его утомлять.

Еще один виток бесконечной винтовой лестницы. Она как будто буравила землю, упорно вгрызаясь в твердую почву. Неожиданно Конан увидел впереди темный силуэт и замер. Силуэт сперва стоял неподвижно, потом сделал несколько шагов в сторону и опять остановился. Конан понял, что это человек. Мужчина не особенно высокого роста, худой и жилистый. Несомненно, вендиец. Он то задумчиво расхаживал взад-вперед перед какой-то дверью, то останавливался. Несколько раз он потягивался, выгибаясь всем телом и зевая. Несомненно, это был часовой. Только вот что он сторожит здесь, глубоко под землей, в совершенно пустом здании?

Конан спустился еще на одну ступеньку. Повое открытие! Неизвестно откуда потянуло сквозняком. Так и есть! Где-то поблизости проходит подземный ход. И он выводит на поверхность земли совсем рядом. Конан отчетливо ощущал, как веет прохладой. На воле уже наступал вечер, дневная жара улеглась, подул освежающий ветерок. Отлично! Осталось миновать часового, убедить его не валять дурака и выпустить пленника (Конан не сомневался, что последнее окажется совершенно пустяковым делом) – и бежать отсюда! Все-таки хорошо он сделал, что доверился инстинкту и утащил рубин. Будет что вспомнить, когда он окажется далеко отсюда.

Слуга, освещенный тусклым светом единственного факела, был хорошо виден с того места, где теперь находился Конан. Он был безоружен! Интересно, что он все-таки охраняет? Кто додумался поставить часового возле выхода и не дать ему в руки оружия?

Неожиданно переменившийся ветерок донес до Конана новый запах. Пахло сытным ужином. Тушеным мясом, сладкими терпкими подливами, которые так мастерски готовят вендийские повара. Вот так дела!

– Привет, – сказал часовому Конан, спрыгивая со ступенек и внезапно вырастая перед ошеломленным вендийцем.

Смуглый худой человек отшатнулся, – сложил руки и начал низко кланяться.

– А, боишься! – почему-то обрадовался варвар и поиграл мускулами обнаженных рук. – Правильно делаешь. Впрочем, я тебя не трону. Скажи мне, здесь ли выход из дворца?

Вендиец, не понимая вопроса, продолжал бормотать и бить поклоны.

– Эй! – рассердился Конан. – Почему здесь никто не понимает, о чем его спрашивают? Для кого этот ужин?

Он протянул руку и взял с блюда кусок мяса. Вендиец наблюдал за этим с каким-то священным ужасом. Конан преспокойно обмакнул мясо в соус и отправил в рот.

– Ух ты, как вкусно! – воскликнул он и потянулся за новым куском.

Вендиец, завывая, бросился ему в ноги и принялся шлепать ладонями по каменному полу.

– О чем ты просишь? – Конан отодвинулся, глядя на распростертого перед ним слугу с несколько брезгливым выражением лица. – Чтобы я не брал мяса? Мясо – нет? – Он показал на блюдо и покачал головой. – Я правильно понял?

Вендиец вскочил и замахал руками, как бы ограждая ужин от прожорливого варвара, а затем опять сложил на груди руки и умоляюще посмотрел на огромного варвара.

– Ладно, – великодушно махнул Конан. – Не больно-то и хотелось. Вообще-то я сыт, просто решил попробовать. Здешняя стряпня мне очень по вкусу. Когда стану королем, непременно заведу себе повара-вендийца. Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Слуга не сводил с киммерийца внимательных глаз. Он явно чего-то боялся. Но чего? Кажется, варвар ведет себя вполне дружелюбно: болтает, жует, хлопает собеседника – правда, немного и несчастного, – по плечу. Что же такого страшного таится в этом подвале?

Может быть, слуге-вендийцу строго-настроено велено не выпускать Конана из дворца? Ну тут уж, прости друг, придется нарушить приказание. Не может киммериец провести всю

жизнь взаперти, на радость таинственной блондинке, которая одарила его парой поцелуев и скрылась неизвестно куда.

И тут Конан заметил наконец запечатанную дверь, которую слуга, так и мельтешивший перед глазами варвара, всеми силами старался от него скрыть. Дверь была небольшой. Обитая толстыми металлическими листами, она была не просто закрыта на тяжелый засов, выполненный из массивного куска железа в виде ветки фантастического растения с причудливыми резными листьями; сверху висела небольшая печать из красного воска с оттиснутым на ней изображением небольшого крылатого дракона.

– Кхитайская вещичка, – молвил Конан. Некогда он видел нечто подобное на вещах своего приятеля-кхитайца по имени Тянь-По, каллиграфа. Они познакомились при довольно странных обстоятельствах. Тогда тоже речь шла о женщине, в высшей степени необычной. Странно, что маленький кхитаец пришел Конану на ум. Киммериец давно о нем не вспоминал, путешествуя совсем в других частях света.

Когда пальцы киммерийца коснулись печати, вендийский слуга взвыл и рухнул лицом вниз. Его тощие плечи затряслись от рыданий, подземелье огласилось тонким, отчаянным воплем.

– А, – обрадовался Конан, – значит, ты не хочешь, чтобы я трогал эту штуку. Очень хорошо. Стало быть, в ней все дело.

Он потянул чуть сильнее, и хрупкая печать сломалась в его руке.

Поначалу не происходило ровным счетом ничего. Конан растирал пальцами воск и нюхал его в ожидании, что оттуда вырвется какой-нибудь особо злокозненный ядовитый дым, несущий с собою колдовские чары. Но воск оставался обычным воском. Только краска размазалась по руке.

Вендиец затих и чуть отполз в сторону. Конан твердо решил разобраться в происходящем. Ему все меньше и меньше нравилось, что от него что-то скрывают. Нечто важное – в этом он был уверен.

Он наклонился над слугой, но тот забился в корчах, и Конан неприязненно отошел подальше. Варвар не любил припадочных и опасался их, считая притворщиками – в лучшем случае, и вместилищем злобных потусторонних сил – в худшем.

В этот момент что-то зашумело за дверью. Засов начал шевелиться, двигаясь то вверх, то вниз, как будто кто-то изнутри пытался его открыть. Дверь загудела от мощных ударов. Нечто очень тяжелое изо всех сил билось о прочные доски.

– Что за... – начал было Конан.

И тут дверь подалась. Засов с грохотом сорвался с двери и полетел на каменные плиты пола. Поднялся сильный, певучий звон, эхом отдающийся по всему подземелью. У Конана от резкого звука даже заболели уши. Вендиец приподнялся, стоя на коленях. Его лицо выражало предельный ужас: глаза побелели и выпучились, рот распахнут, из горла непрерывно вырывается тонкий, пронзительный крик. Казалось, слуга даже не переводил дыхания – просто кричал, кричал, кричал...

Повиснув на одной петле, дверь распахнулась, и оттуда вырвалось дымное пламя. Оно лизнуло стены, оставляя на них черные следы копоти, затем втянулось внутрь помещения, скрытого за дверью, а после вылетело опять. Как будто некто, прячась в темноте, раздувал невидимые мехи.

Конан отскочил в сторону, страстно желая, чтобы у него было оружие. Эту тварь голыми руками не порвешь. И никакой магической вещицы, как на грех, сейчас нет. Разве что рубин...

Но разглядывать драгоценный камень и решать, насколько он магический, времени не оставалось. Из подземной камеры показалась огромная когтистая лапа, покрытая золотой чешуей. Вендиец застыл, и его крики, как почудилось варвару, застыли у него в горле. Вслед за первой лапой протянулась вторая, а затем на длинной извивающейся шее высунулась морда дракона. Он был точь-в-точь как тот, которого Конан видел в комнатах. Только живой.

Киммериец заворуженно глядел на широкую голову с четырьмя небольшими рогами и

длинными, извивающимися усами. Изумрудные глаза на золотой морде холодно рассматривали подвал. От чудовища исходило сияние. Оно показалось Конану прекрасным. Смертельно опасным и изумительно красивым. Как меч работы древнего мастера.

Конан замер. Дракон провел когтями по полу, припал подбородком к каменным плитам между лапами и тихо зашипел, раздувая горло. По подвалу пробежала волна жара. Слуга-вендиец вскочил и бросился наутек. Тотчас дракон стремительно выполз из убежища, явив свое великолепное тело целиком, – длинное, больше четырех человеческих ростов, извивающееся, как у ящерицы, заканчивающееся мощным заостренным хвостом. Прижатые к бокам кожистые крылья чуть распустились, когда чудовища оказалось на свободе. Оно пробежало по подвалу, подхватило раскрытой пастью вопящего от ужаса человека и вырвалось из подземелья через широкое отверстие, имевшееся в конце коридора. До Конана донеслись последние крики несчастного вендийца, а затем навстречу варвару повалило яркое пламя. Оно катилось, точно шар, по подземному ходу, но у самых ног киммерийца рассыпалось на тысячи крошечных золотых монет.

Конан наклонился, потрогал одну из монет и отдернул палец – они были раскаленными.

– Подождем, – сказал киммериец сам себе и уселся на разогревшийся каменный пол.

Из раскрытого помещения несло странным запахом. Пахло как в зверинце и вместе с тем к острой вони животного примешивался тонкий аромат женских духов. Это сильно тревожило варвара, заставляло его ноздри раздуваться, точно он и сам был диким зверем и уловил нечто таящее опасность.

– Или же просто загадку, – добавил Конан вслух. – Видимо, моя вчерашняя подруга не так проста, как хочет показаться. То есть, она совершенно не проста, но тут дело осложняется еще и драконом. Кто же такой этот дракон? Ее прежний дружок? Может быть, ее родная мама? Зачем она держит его в подвале? Она здесь была, это ясно. Это ее духи так пахнут. Я перенюхал все коробки у нее в спальне. До сих пор не могу прочихаться – все эти благовония так и застревают в носу.

И он поковырял в носу пальцем, после чего продолжил рассуждать сам с собою:

– А на этих монетках – изображение дракона. На память. Возьму-ка я с десяток... или с два десятка. Или вообще заберу все. Если они заколдованные и превратятся в глину – я ничего не потеряю. А если это настоящее золото...

Он не договорил. Просто наклонился и принялся подбирать деньги. Шаг за шагом Конан продвигался по коридору и наконец оказался у выхода из подземелья. Как он и предполагал, это было довольно широкое отверстие в потолке, обычно забранное решеткой. Сейчас решетка, выломанная и изогнутая по краям, валялась на полу. Конан ловко забрался по стене, которая любому другому человеку могла бы показаться отвесной и совершенно неприступной, и ухватился руками за траву.

На воле пахло гарью. Дракон дохнул еще раз пламенем, прежде чем улететь. Интересно, где он теперь порхает? Хорошо бы не встречаться с ним хотя бы некоторое время.

Конан сел на траву, свесив ноги в отверстие. Он отдыхал.

Подземный ход вывел его далеко за город. Конан и не подозревал, что прошел так много. Но дворец таинственной женщины был выстроен таким образом, что часть его помещений размещалась под землей и тянулась под мостовыми. Садик, который видел Конан из окон, был всего-навсего магической иллюзией, несуществующим видом из окна – чтобы не так тоскливо было смотреть наружу. У Хлависы имелась причина строить себе жилище такого огромного размера. Земля же в городе стоила дорого, поэтому пришлось пойти на ухищрение.

Кое о чем Конан догадался сразу. Остальное дополнило первоначальные соображения чуть позднее, а окончательную картину он составил для себя после встречи со старым приятелем каллиграфом Тянь-По.

Сокровища, вынесенные Конаном из убежища незнакомки, лежали рядом с ним, на

траве, и солнце весело играло на блестящих поверхностях сундучка, заставляло гореть и вспыхивать золотые монеты (ни во что они пока не превратились и, похоже, превращаться не собирались). Конан утешал себя мыслью о том, что теперь может вернуться сюда через подземный ход в любое время и прихватить еще что-нибудь ценное. А пока следовало убираться подобра-поздорову.

Так он и поступил.

* * *

Лакшми был одним из тех городов Вендии, где человеку легко затеряться. Любой мог найти себе здесь пристанище и слиться с толпой себе подобных. Восточный район Лакшми представлял собою череду великолепных дворцов, где селились аристократы и те богачи, которым посчастливилось породниться со знатью. Здесь строили высокие дома, похожие на конусы, многоярусные, выкрашенные ослепительно-белой краской и украшенные многочисленными лепными узорами, иногда также бесснежными, а иногда – разноцветными. Солнце в течение дня перемещаясь по небу, посылало лучи под разными углами, и тени изменяли свое расположение – и, как следствие, иначе выглядели выпуклые узоры на фасадах аристократических особняков. Четкие черные тени подчеркивая изящество завитков и розеток – жители Лакшми предпочитали цветочные орнаменты.

На юго-востоке размещались храмы. Храмовый квартал не был огорожен отдельной стеной и тем не менее всякий, кто вступал на его территорию, сразу ощущал разницу. Мостовые здесь были куда чище, чем в городе – включая и аристократические кварталы. Внешний облик зданий был тоже иным: башенки и низкие плоские часовни сменялись маленькими садиками, где тихо журчала вода и поблескивали большие, выше человеческого роста статуи божеств.

Но главным был запах непрерывно сжигаемых благовоний. И еще здесь бегали обезьянки, маленькие, пушистые, белые и пепельно-серые. Они были совершенно ручными и держались как хозяева.

Эти животные превосходно были осведомлены о том, что считаются священными и что люди не имеют права поднимать на них руку. Поэтому они частенько безобразничали – отбирали у паломников еду, рвали на них одежду, путали им волосы или забирались людям на плечи и требовали, чтобы их покатали, хлопая человека по макушке маленькой смуглой ладошкой, похожей на ладошку ребенка.

В центре города начинались торговые ряды, а дальше к северу и западу селились простые граждане. Чем дальше к северной окраине, тем беднее были дома и, соответственно, их обитатели. Иногда хижины выглядели просто как куча мусора, случайно вываленного на землю. И все же там жили какие-то бедолаги, и сквозь кривую дверь, которую зачастую даже не задергивали занавеской, можно было видеть, как внутри, в полумраке и вони, копошатся дети и возятся по хозяйству женщины. Мужчины возвращались в такие дома только ночевать, да и то далеко не всегда, зачастую предпочитая остаться под открытым небом.

Конан вошел в Лакшми незадолго до рассвета и присоединился к тем, кто храпел, вытянувшись на голой земле, неподалеку от пеньковых складов. Варвар проделал немалый путь и решил как следует выспаться, прежде чем приступить к поискам Тьянь-По.

У Конана сложилось стойкое ощущение, что отыскать маленького каллиграфа можно только благодаря везению и случайности. Он никогда толком не знал, был ли кхитаец магом. Скорее всего, нет. Но их встречи всегда происходили неожиданно – по крайней мере, для варвара. А сейчас киммерийцу позарез требовались познания веселого и образованного Тьянь-По. В последний раз, когда они расставались, он упоминал о Лакшми. Мол, хочет потолковать со здешними жрецами. У них, как он выразился, совершенно особая школа каллиграфического письма. А заодно кхитайцу хотелось бы посмотреть, как они изготавливают бумагу из тины и вымоченных в воде листьев акации. Маленького каллиграфа всегда интересовало все, что имело отношение к письменности и письменным

принадлежностям.

Впрочем, добавил Конан, обращаясь к самому себе уже перед самым сном, сойдет и любой другой умник. В Лакшми их должно быть много. При храмах всегда обитает дюжина мудрецов. А мудрецы, будь они хоть трижды отрекшиеся от всего земного, вряд ли устоят перед чудесными золотыми монетками – если не ради золота, то ради редкого изображения дракона.

С этими мыслями Конан погрузился в объятия благодетельного сна.

Пока он спал, его дважды пытались обокрасть. В первый раз Конан даже не соизволил проснуться – просто двинул наугад кулаком, попал и преспокойно перевернулся на другой бок. Грабитель сгинул и больше не появлялся. Второй раз случился уже под утро. Тут Конану пришлось поневоле подрасть глаза, поскольку нахальный воришка вытаскивал сундучок прямо из-под живота спящего варвара.

Конан сел и огрел вора по голове. Тот ойкнул, присел и несколько секунд ошеломленно моргал в предрассветном сумраке.

– Брысь! – хмуро проговорил Конан. Воришка растворился в воздухе.

Конан выругался. Его разбудили слишком рано. Он еще не отдохнул как следует. А спать больше не хотелось. Хотелось есть. И таверны в этот час, как на грех, еще закрыты.

– Надо было поймать этого бездельника, изжарить его на костре и съесть, – проворчал киммериец. – Жаль, что я не додумался сделать это сразу.

С этими словами он уложил сундучок в мешочек, из которого вещица вывалилась во время попытки похищения, проверил, целы ли монетки в кошельке, – и зашагал в сторону городского центра.

Лакшми медленно просыпалась после душной вендийской ночи. Кое-где уже затеплились огни, которые становились все более блеклыми по мере того, как солнце поднималось из-за горизонта. Вот уже вспыхнули золотом и багрянцем вершины башен, и тотчас, словно посылая ответный сигнал, загорелись купола храмов на юго-востоке.

Конан не стал пока заходить в жреческие кварталы. Он искал харчевню и справедливо предполагал, что она отыщется поближе к рынку. Одна действительно уже открыла двери, и заспанный хозяин, зевая, вытаскивал из шкафчика вчерашний хлеб и остатки холодного мяса – все, что оставили на столах купцы, караванщики из, Султанапура, которые на радостях после совершения выгодной сделки устроили здесь пирушку. Скромную пирушку, по масштабам богатых купцов, но достаточно приятную для бедного харчевника.

Конан появился на пороге так неожиданно, что «бедный харчевник» выронил блюдо, которое держал в руках, и оно разбилось. Полуобглоданные кости, предназначавшиеся для бедняков, что непременно явятся чуть позже просить милостыню, рассыпались по полу.

Конан усмехнулся. Его внушительная фигура заполняла весь дверной проем. Ничего удивительного, что хозяин испугался. Вопреки распространенному мнению, ночь – не самое опасное время суток для добропорядочных граждан. Раннее утро, когда одни уже завалились спать, а другие еще не проснулись, – вот глухой час, когда совершается большинство преступлений. А киммериец не выглядел как человек, который остановится перед каким-либо препятствием, если оно стоит между ним и желаемым.

– Уважаемый... – залепетал харчевник.

– У тебя открыто? – осведомился варвар и тотчас уселся за столик.

– Э... Я только что проснулся... и готовился к приему гостей... – забормотал харчевник. – Но если господину угодно...

– Дай мне чего-нибудь, – приветливо молвил Конан и выложил на стол один маленький золотой кругляшок. Хозяин сперва сощурился, а потом широко раскрыл глаза и расплылся в улыбке. Гость не похож на грабителя. То есть, он наверняка грабитель, но сюда он явился просто позавтракать.

Поэтому хозяин сразу пришел в отменное расположение духа. Утро начиналось удачно, клянусь великим Кришной! Он выставил на стол перед варваром фрукты (недоеденные купцами), нарезанное на ломтики мясо (остатки того же пиршества) и два каравая хлеба.

– И выпить, – с набитым ртом потребовал Конан. Рядом с ним тотчас появился кувшин с разбавленным вином. Варвар глотнул, фыркнул.

– С утра лучше слабенькое, – заискивающе сказал хозяин. – Чтобы голова соображала.

– Моя голова всегда соображает, – объявил Конан, превосходно зная, что говорит неправду. Но харчевник спорить не стал – гостю виднее. Тем не менее он не пошел за другим кувшином, а вернулся к шкафам и стал возиться там, краем глаза наблюдая за едоком.

– Скажи, любезный друг, – заговорил Конан, ковыряя в зубах ножом, – не знаешь ли ты, где обитают здешние каллиграфы?

– Все мудрые люди избрали своим жилищем дома богов, – вежливо отозвался харчевник. – Да будет мне позволено спросить – для чего такому человеку, как ты, интересоваться каллиграфией? Ты не похож на каллиграфа.

– Да? А на кого я похож? – осведомился Конан. – На невежду-варвара, который лезет не в свои дела? Это ты хотел сказать?

– Нет, господин. Вовсе не это. Господин похож на воина. Члены воинской касты редко интересуются делами членов жреческой касты, а что до нас, простых работников...

– Ну, хватит! – оборвал его Конан. – Я и забыл, что в Вендии с этим так строго. Хорошо, предположим, я хочу поклониться божествам. Членам воинской касты это не возбраняется?

– Разумеется, нет, господин! Как такое могло прийти в твою голову... кх-х! – Он закашлялся, сообразив, что опять прогневал страшного гостя. Скорей бы уж этот варвар ушел и оставил его в покое! Кроме того, харчевнику очень хотелось спрятать монетку и твердо знать, что никто не потребует ее обратно.

– Ладно. Итак, мне нужен каллиграф, – великодушно проговорил Конан, решив пропустить мимо ушей все те невежливые вещи, что харчевник наговорил со страху или по глупости.

– Все каллиграфы живут возле богов...

– Кхитаец, – продолжал Конан.

– Об этом господину лучше спросить у жрецов, – твердо сказал харчевник и всем своим видом показал, что не намерен больше продолжать разговор, который то и дело принимал чересчур опасный оборот.

Конан одним глотком прикончил прохладное разбавленное вино и вышел, оставив дверь харчевни открытой.

Жреческий квартал показался ему довольно забавным. Здесь уже все были на ногах. Бритоголовые послушники тщательно подметали мостовую и протирали статуи богов, ползая по позолоченным коленям и забираясь на плечи металлических божеств, словно мухи или ящерицы. Какой-то мальчик старательно натирал ухо огромного танцующего бога, жуткого на вид, с выкрашенным в синий цвет лицом и высунутым черным языком. Ребенок совершенно не боялся жуткого бога. Не то понимал, что это всего лишь статуя, не то верил, что злое божество не причинит вреда своему слугителю.

Конан не был уверен ни в том, ни в другом, но свое мнение придержал при себе.

– Привет! – весело крикнул он. Мальчишка-послушник вздрогнул и едва не упал со статуи, когда увидел внизу рослого северянина.

– Ой! – выговорил он. – Ой, господин! Ты пришел молиться? Купи благовония вон в той лавке, а потом сними обувь и входи сюда с надлежащим почтением...

– Я пришел не молиться, маленький дурачок! – отозвался Конан. – Я пришел по делу.

– Все приходят по делу. Знаешь, есть такая притча: одна кошка сказала женщине...

– В чем я сейчас не нуждаюсь, так это в притчах! – ответил Конан, заставив мальчика обиженно замолчать. – Скажи-ка мне, нет ли здесь при храмах школы каллиграфии?

Мальчик молча махнул рукой, показывая на широкое плоское здание, крытое черепицей. Черепица была выкрашена в красный и черный цвет, так что крыша казалась полосатой. Деревянные колонны не скрывали от проходящего по улице того, что делалось внутри. Л внутри на циновках из рисовой соломы сидели, подобрав под себя ноги, ученики

и старательно выводили отточенными бамбуковыми палочками разные значки. Конан ничего не понимал в этих значках. Ему все они казались одинаковыми, однако вот ученик совершил ошибку, загнул загогулину под неправильным углом или сделал ее недостаточно тонкой, и учитель сильно ударил его розгами по бритой голове – да так, что брызнула кровь. Ученик встал, поклонился и вышел куда-то во внутренний дворик.

Конан, пригнувшись, вошел под своды. Он счел момент достаточно удобным, чтобы обратиться к учителю каллиграфии с вопросом. Однако тот уже увлеченно рассказывал притчу о двух воинах, которые решили перед поединком на мечах обменяться каллиграфическими посланиями.

– Один начертил буквы ровно, строго, внимательно следя за тем, чтобы каждая линия имела однозначное начертание. Второй писал иначе – размашисто и грубо. Оба письма оказались в руках правителя. Правитель ознакомился с ними и, призвав к себе соперников, сказал так: «Я запрещаю вам вступать в поединок, ибо это ничем не закончится. Вы слишком отличаетесь друг от друга. Одного из вас я назначаю судьей, а второго – начальником стражи». Как вы думаете, – обратился преподаватель к ученикам, которые внимательно слушали его, – кто из двоих стал судьей?

Конан чуть приподнялся, хотя он и так почти на голову возвышался над остальными.

– Дозволь ответить, – заговорил киммериец, подражая манере здешних жителей. Конан был уверен, что не ошибется в трактовке притчи. Он достаточно таких историй наслушался от своего приятеля-кхитайца.

– Говори, – приветливо улыбнулся учитель.

– Судьей он назначил того, который чертил размашисто и криво, – сказал Конан уверенно.

– Почему ты так решил?

– Потому что такой человек склонен к милосердию. Законы и без того справедливы. Если судья станет следовать одним только законам, то слишком многие лишатся головы, а это будет бесполезной тратой человеческих жизней. Поэтому бесшабашного воина следует назначить распорядителем человеческих судеб. Осуждая виновного, он всегда будет помнить о том, что нередко бывал виноват и сам, и его приговоры будут мягче. Безупречного же каллиграфа правитель назначит начальником стражи, ибо эта должность требует внимания, четкости и аккуратности. Здесь нужно не столько думать, сколько точно выполнять инструкции.

Учитель вдруг прищурился, и Конан понял, что он плохо видит.

– Кто ты? – спросил он, пытаясь разглядеть киммерийца. – Почему ты стоишь, когда все сидят? Я не помню твоего голоса.

– Я сижу, – заверил его Конан. Когда он поднялся на ноги, ему пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о притолоку.

– Кто ты такой? – снова повторил каллиграф.

– Я киммериец, я пришел с севера.

– Ты хочешь изучать каллиграфию?

– Скажи мне сперва, почтенный, правильным ли был мой ответ!

– Твой ответ совершенно верен, и тебе надлежит заниматься не с начинающими, но с продолжающими учебу. Ты уже близок к просветлению.

Конан поморщился, пользуясь тем, что учитель не видит этой гримасы.

– По правде сказать, почтенный, я пришел сюда не учиться. Я разыскиваю каллиграфа-кхитайца по имени Тянь-По. Это мой друг.

– Ты действительно друг достопочтеннейшего Тянь-По? – вскричал наставник. – О, это великая честь! Теперь мне понятно, почему ты так легко разгадал мою притчу!

– Ты прав, – признал Конан. – Этому научил меня Тянь-По. И судя по твоему возгласу, ты знаешь, где он находится.

– Сейчас он занят в храме, – строго произнес учитель. – Но ты можешь подождать его снаружи. Когда он освободится, он выйдет, и вы встретитесь. Но помни: если ты замыслил

недоброе по отношению к учителю По, бойся! Боги здешних храмов хорошо оберегают своих верных слуг.

– Ничего дурного я не замыслил, – твердо произнес Конан. – Благодарю и прощай.

Он покинул класс не без облегчения. Слишком уж низко нависал разрисованный золотыми звездами деревянный потолок. Как будто сидишь в норе.

Зато сады, окружающие храмы, пришлись киммерийцу по душе. Здесь было где укрыться – и от любопытных глаз, и от жары. Густая зелень источала приятный пряный аромат, пестрые цветы прятались среди листьев. Обезьянки верещали где-то наверху, перепрыгивая с ветки на ветку. Несколько раз на голову Конана роняли плоды и сломанные палки. Привыкший бродить по джунглям, киммериец отнесся к этому вполне равнодушно.

Одна из бойких обезьянок заметила нового человека и, ловко перебирая лапами, спустилась вниз. Она бесцеремонно схватила киммерийца за одежду и принялась теребить.

– Уйди, – сердито сказал варвар, отталкивая крошечные цепкие пальчики. – Ах ты, попрошайка! У меня все равно ничего нет. Видишь?

Зверек обиделся. На пушистой мордочке, забавно похожей на человеческую, появилось грустное выражение. Обезьянка отвернулась, вытянула губы трубочкой и быстро-быстро зашлепала ими, как будто собралась заплакать. Конан протянул руку, чтобы погладить ее, но обезьянка вскочила и быстро запрыгнула на ствол ближайшего дерева. Вскоре оттуда в киммерийца полетели ветки и гроздья сорванных листьев.

– Вот вредина! – Конан погрозил обезьянке кулаком.

– Воюешь со священными животными? – послышался голос за спиной у киммерийца.

Варвар резко обернулся. Тянь-По, неунывающий, все такой же молодежавый, с забавными длинными тонкими усами, свисающими из углов рта, поглядывал на своего знакомого с легкой усмешкой.

– Они тут назойливы, но незлобивы. В других храмах дела обстоят хуже. Например, кое-где поклоняются крокодилам...

– И гигантским змеям, – закончил Конан. – Благодарю за то, что напомнил. Я побывал в тех краях. Вынужден признать, что на моей совести не одно из этих очаровательных и несомненно священных существ.

– Знаю, – вздохнул Тянь-По. – Мне передавали, что ты меня разыскивал.

– Да? – Конан чуть удивленно приподнял брови. – Быстро же тут разбегаются слухи!

– Они скачут быстрее, чем обезьяны, – с комически-серьезным видом подтвердил кхитаец. – Храмы похожи на рассадники старых дев. Никто так не любит сплетничать, как священнослужители и военные. В Кхитае об этом знают. А в Киммерии, похоже, нет.

– Это потому, что в Киммерии каждый уважающий себя воин одновременно сам себе священнослужитель и главнокомандующий, – проворчал Конан. – Мы не такие цивилизованные, как вы. У нас все просто.

– Ох, Конан! – вздохнул Тянь-По. – А ведь ты пришел ко мне не просто так.

– Может быть, я собираюсь изучать каллиграфию? – возразил киммериец.

Он чувствовал себя довольно глупо, потому что действительно обиделся на обезьянку. Но очень уж этот зверек напоминает человека... по крайней мере, некоторых знакомых Конана – точно.

– Сомневаюсь! – засмеялся Тянь-По. – Ты ведь не умеешь писать!

– Зато я воин, – заявил Конан. – Знаешь притчу? Два воина соперничали друг с другом и вот они решили перед поединком обменяться письмами...

Тянь-По с серьезным видом выслушал притчу, покивал.

– Ты делаешь большие успехи. Начальный этап изучения каллиграфии, можно считать, тобою пройден.

– Ладно, не смейся. – Конан снял с плеча мешок. – Я принес кое-какие вещички, а с ними – и весьма любопытную историю. Мне кажется, ты – один из немногих, кто в состоянии разгадать эту загадку.

– В таком случае, нам следует отправиться в Беседку Глубоких Размышлений, – решил

кхитаец. – Очаровательное место. Тебе понравится.

Конан выразил гримасой сомнение в этом, однако подчинился и пошел следом за кхитайцем в глубь сада. Беседка Глубоких Размышлений представляла собой павильон, сплетенный из толстой медной проволоки и увитый ползучими растениями. На полу лежали циновки, разрисованные лотосами. Такие же лотосы цвели в маленьком пруду, посреди которого красовались пять или шесть камней. То и дело какая-нибудь бойкая лягушка выскакивала на камень и принималась громко исполнять песнь во славу любви и природы. Не ее вина, если некоторым людям не нравилось ее пение. И поэтому здесь было запрещено швырять в лягушек камнями. «Кто мудр и в состоянии понять сущее, тот оценит радость даже такого ничтожного существа, как лягушка. Кто лишен мудрости, тот должен воспитывать в себе терпение, ибо от терпения произрастает понимание», – гласило Учение. Тянь-По не преминул предупредить Конана.

Они устроились поудобнее на циновках. Конан скрестил ноги, как привык делать, когда сидеть приходилось на голой земле, и извлек из мешка маленький сундучок.

– Красивая вещь, – одобрил Тянь-По и чуть поклонился сундучку. – Это работа великого мастера.

– Я расскажу тебе, как он достался мне, а потом ты попробуешь понять, что тут к чему, – хмуро начал варвар. Он повел повествование с самого начала – от встречи с блондинкой, которая путешествовала одна и заинтересовалась варваром, до появления дракона, который сожрал несчастного вендийца и улетел неизвестно куда.

– Эти вещи, я так понял, ты забрал из дома таинственной женщины, – кивнул Тянь-По, когда Конан замолчал.

– Какие вещи? – вскинулся киммериец. – Речь идет только об одном предмете. Вот об этом. О сундучке.

Он несколько раз хлопнул по закрытой и запаянной крышке.

Тянь-По поглядел на приятеля узкими смеющимися глазами.

– Только не рассказывай мне, дорогой друг, что ты прихватил из особняка – если он действительно такой роскошный, как ты расписывал, – всего лишь один предмет.

– Остальные не имеют отношения к делу, – заявил Конан.

– Позволь об этом судить мне, – решительно сказал Тянь-По.

Конан нехотя показал несколько одинаковых золотых монеток с изображением дракона – такого же, что и на крышке сундучка. О рубине он говорить не стал. Киммериец, конечно, понимал, что Тянь-По догадывается о наличии чего-то вроде этого рубина, однако камень действительно не имел никакого отношения к делу. А если они разберутся с делами таинственной Хлависы, то всегда могут вернуться в особнячок через подземный ход и обогатиться вдвоем. Конану чужого барахла не жалко.

Тянь-По подумал немного.

– Здесь должны быть надписи. На таких предметах всегда делают различные надписи.

– Почему?

– Обычай. Каллиграфия служит и для украшения предметов, и для памяти. А этот сундучок действительно очень странный. Не знаю только, почему ты решил, будто он содержит разгадку тайны.

– Потому что она его прятала, – нетерпеливо сказал Конан. – Ничего другого она у себя не прятала. Все остальное стояло раскрытое. Жемчуга, изумруды – всего навалом. Одежда – вся на постелях, на столах и на полу. А эта штука...

– Да, да, – задумчиво пожевал ус кхитаец, – я тебя понял. Она ее прятала, а ты случайно нашел.

– Говорю тебе, случайно! – Конан начал закипать. – Я споткнулся о столик, столик упал, а сундучок стоял внизу...

– Да, да, – повторил кхитаец, явно не слушая, что ему говорят. – Случайно, случайно... Почему же здесь ничего не написано? Должна быть надпись!

– Может, это магическая штука? – предположил Конан.

Кхитаец взял сундучок обеими руками, встряхнул несколько раз.

– Не похоже... Просто металл, без каких-либо следов колдовства. Да и к чему оно? Если я ничего не путаю, сундучок сделан из сплава двух небесных камней – серебряного и железного. Небесные металлы хороши тем, что искусный мастер может творить с их помощью чудеса, не хуже, а то и гораздо лучше тех, что порождает земная магия.

Тьянь-По пошарил под своими мудреными многослойными одеждами и достал мешочек с кресалом.

– Конан! – окликнул он киммерийца. – Принеси мне несколько веточек.

Конан нехотя подчинился. Ему происходящее начало казаться неимоверно глупым. Про себя он уже проклинал тот час, когда решился идти до Лакшми, разыскивать умника-каллиграфа и беспокоить его своей проблемой.

Тем не менее он не стал спорить, а вместо этого выбрался из беседки и оборвал несколько веток.

Тьянь-По посмотрел на него с укоризной.

– Разве нельзя было подобрать сухие? – спросил он кротким голосом.

– Ты начал разговаривать как здешние жрецы, – возмутился Конан. – Хватит ломать из себя святошу. Зажигай ветки и делай что ты там задумал!

Тьянь-По разложил крошечный костерчик – у него огонь загорелся сразу, послушно, хотя ветки действительно были сырыми и в принципе нуждались в том, чтобы их долго уговаривали дать людям пламя. «Кхитайская хитрость», – подумал Конан.

Тем временем каллиграф поднес к пламени сундучок, и вдруг на нагретой металлической стене проступили иероглифы.

– Держи его! – велел Тьянь-По, выхватывая из прически острую палочку. Глядя на иероглифы, которые то проступали, то исчезали по мере того, как жар пробежал по металлическому предмету, он принялся быстро чертить на гладкой посыпанной песком дорожке.

– Отлично, – молвил кхитаец, когда эта работа была закончена. – Теперь мы перенесем надпись на лист бумаги и начнем его изучение.

– Я должен сбегать и принести тебе бумагу? – мрачно осведомился Конан.

Тьянь-По тихонько засмеялся. Его длинные усы заколыхались.

– Нет, вовсе нет! У меня все с собой.

С этими словами он поднял руки и поднес их к своим волосам, заплетенным в причудливые косы и уложенным на макушке. В этой прическе помещался тонкий рулончик бумаги и даже небольшая кожаная чернильница с тугой пробкой.

Разложив письменные принадлежности на полу беседки, Тьянь-По принялся аккуратно срисовывать иероглифы. Затем он явил на свет кисточку и тщательно затер ею первоначальную надпись на песке.

– Незачем этим сплетникам узнавать, чем мы гут занимались, – пояснил он.

– Благоразумно, – проворчал Конан и заглянул каллиграфу через плечо. – Ну, давай, читай. Что тут написано, а?

– Не мешай. – Тьянь-По чуть отмахнулся, показывая, что ему надо сосредоточиться.

– Может быть, мне пойти пообщаться с обезьянами? – спросил Конан.

– Нет, нет, далеко не уходи... Тут что-то интересное... – бубнил кхитаец, рассматривая иероглифы. – Странное начертание. Возможно, более древнее, чем мы привыкли... А что если это обозначает «человек»? Нет, слишком низко для «человека»...

– Ты о чем?

– Тебе интересно? – Тьянь-По поднял на Конана узкие глаза. Ледяной взгляд варвара натолкнулся на этот доброжелательно-равнодушный взор – свойство, которое всегда смущало киммерийца в соотечественниках Тьянь-По.

– Может, и интересно, – фыркнул варвар.

– Тогда смотри. Вот эта фигурка должна, в принципе, обозначать «человека». Что-то происходит с неким человеком. Но она здесь нарисована слишком низко, как бы

пригнувшейся.

– А если это пригнувшийся человек? – предположил Конан. – Ну, какие-нибудь обстоятельства вынудили его наклониться.

– Ты прав! – воскликнул кхитаец. – Этот вариант мы сейчас исследуем... Так, следующий иероглиф показывает рыбу, а рядом -- птица... Не понимаю. – Он опять нахмурился. – Странно. Впервые в жизни сталкиваюсь с такой странной надписью.

Конан с торжеством посмотрел на своего собеседника.

– Зато я все отлично понимаю! Пригнувшийся человек – он же рыба – он же птица – это дракон!

Тьянь-По глубоко вздохнул и схватился обеими руками за голову.

– Конан, как ты прав! Это какое-то древнее начертание, поэтому я немного запутался... Другая система связей смыслов и иные символы ассоциаций...

– Хватит мудреных слов! Что тут написано?

– Так, посмотрим дальше... – Кхитаец некоторое время прикидывал и так, и эдак, шевелил в воздухе пальцами, один раз сильно дернул себя за прическу, отчего оттуда выпала вошенная табличка и маленький кинжальчик для разрезания бумаги.

– У тебя там, часом, нет какой-нибудь медовой лепешки или куска доброй свинины? – спросил Конан, указывая на волосы кхитайца.

– Что? – Рассеянный взгляд ненадолго устремился на варвара, но поскольку ответа не последовало, кхитаец опять уткнулся в надпись. Он совершенно не заметил шуток и не оценил ее. Конан чувствовал себя лишним в этом мире.

Несколько лягушек шумно обменивались впечатлениями, сидя на камнях и раздувая широкое горло. Некоторое время Конан чувствовал растущее раздражение, но потом вдруг понял, что эти лягушки напоминают ему наемников в таверне, когда те похваляются количеством награбленного и наперебой рассказывают о женщинах, которыми они овладели. Это насмешило Конана и отчасти примирило с действительностью.

Тем временем кхитаец испустил вопль, который перепугал лягушек и вызвал шумный переполох в ветвях деревьев. Несколько птиц поднялись в воздух, а обезьянки так и брызнули в разные стороны, и их пушистые хвосты замелькали в просветах между стволами.

– Я понял! Понял! – кричал Тьянь-По.

– Тише, учитель По, – ядовитым тоном заметил Конан. – Столь шумное проявление чувств не подобает тому, кто близок к просветлению.

– Заткнись, глупый варвар! Заткнись и слушай! – ликовал Тьянь-По. – Если тебе ведома радость научных открытий...

– Скажем так – мне ведома радость открытий, – сказала Конан. – Насколько они научны – тут еще можно поспорить. Например, научное открытие надежно запертой двери в доме какого-нибудь подозрительного богатея так веселит мое сердце, что я...

– Смотри! – не слушая, перебил кхитаец. – Тут все рассказано. Хлависа – так ее зовут? Удивительная история! Я расскажу тебе. Садись удобнее.

– Неужели тут так много всего написано? – удивился Конан. – Сколько смысла можно вместить в несколько странных закорючек!

– Таково свойство письменности. Она сворачивает время и пространство, делает жизнь компактной, так что результаты многолетних размышлений мудреца можно уместить на крошечном клочке бумаги и унести с собой в изгнание, – назидательно молвил Тьянь-По.

Но на варвара эти слова не произвели должного впечатления. Он только рукой махнул.

– Да брось ты, Тьянь-По! Я знал немало людей, чью философию без всякой письменности можно уместить в два-три слова. Например: «грабь», или «обманывай», или «все люди – мерзавцы».

– Я говорю о великой философии, о глубоких и мудрых мыслях, о богатом жизненном опыте, – возразил Тьянь-По.

В синих глазах Конана сверкнули искры.

– Лучше не спорь, кхитаец. У тех ребят тоже богатый жизненный опыт.

– Ты будешь слушать? – рассердился вдруг Тянь-По.

Конан кивнул молча, чтобы не развязывать нового спора.

И кхитаец начал.

– Хлависа – странное дитя. Она родилась от союза драконицы и смертного человека, вендийского купца, который нашел на берегу моря жемчужину... Точнее, эту жемчужину нашел пловец, искатель жемчуга, а купец заплатил за нее очень большие деньги. Жемчужина была исключительно большой, размером с кулак взрослого человека...

Конан украдкой посмотрел на свой кулак и вздохнул, прикинув, сколько может стоить жемчужина такого размера.

– Она была овальной и по форме напоминала яйцо.

– Позволь, я догадаюсь, – вставил варвар. – Она и оказалась яйцом.

– Да. Оттуда появилась драконица, удивительной красоты золотая змейка с изумрудными глазами. Она выросла в доме купца как родная дочь.

– Как такое возможно? – удивился Конан. – Впервые слышу, чтобы змею растили как родную дочь.

– Она была разумна и обладала речью, – сказал кхитаец. – У купца был также сын. Да, да, ты правильно догадался. В один прекрасный день это случилось. Юноша не устоял перед чарами драконицы.

– Вот объясни, каким образом возникает подобная страсть? – не выдержал Конан. – Ты ученый человек, владелец множества чужих жизненных опытов, записанных на бумагу. Что ты можешь сказать мне об этом?

– Драконы обладают особой магией. Они умеют так воздействовать на человека, что в нем вспыхивает неуправляемое желание. Драконы – собственники. Они любят владеть вещами и человеческими душами. Поэтому юная драконица не упустила молодого купца и завлекла его к себе. Вскоре она родила дочь – такую же очаровательную золотую змейку. Но у змейки имелась одна особенность: после десяти лет она начала превращаться в девочку. Поначалу человеческим ребенком маленькая драконица оставалась всего несколько дней, а большую часть времени проводила в обликах дракона. Но затем этот срок начал удлиняться и с наступлением полной половой зрелости драконица превратилась в человека. Лишь на несколько дней, которые совпадают с новолунием, она обретает обличье дракона.

– А где же мать-драконица?

– Живет со своим супругом. Ради нее он накопил несметные сокровища. Их дом – в Вендии, только не там, где ты был, а в другом городе. Здесь не указано, в каком именно. Хлависа в облике дракона летает навещать родителей.

– Ну надо же! А что ей нужно было от меня? -- спросил Конан.

– Тебе видней, чего она хотела, – хитро прищурился Тянь-По. – Ты помнишь, как вы познакомились?

Конан кивнул. Он вдруг понял, что кхитаец совершенно прав. Его повлекло к этой женщине с первого же мгновения, как только он ее увидел. Она захотела его, захотела обладать им... Как всякий дракон, она ненавидела препятствия. Она не знала слова «невозможно». Изумрудные глаза, в которых утонул варвар, так и стояли теперь перед его внутренним взором.

– Она хотела меня, да, – проговорил он. – И я хотел ее. Но я даже не помню, случилось ли между нами то, к чему мы оба так стремились. Я провалился в небытие.

– Хлависа неправильно рассчитала время. Ее превращение случилось чуть раньше срока. Она едва успела добежать до своего укрытия, я думаю. Слуги знали, что в доме посторонний, поэтому запечатали дверь магической печатью. Но ты забрался в подземелье и выпустил дракона. Один из слуг поплатился за это жизнью.

– Да, не повезло бедняге, – сказал Конан, без особого, впрочем, раскаяния. Валяющийся в ногах перепуганный вендиец не вызывал у него сочувствия.

– Что теперь? – спросил кхитаец, возвращая Конану ларец.

– Ты разобрался, что это такое?

– Да. Здесь хранится волшебная вещь, которая позволит превратить Хлавису в человека – уже навсегда. Эта вещь очень драгоценна и в то же время исключительно опасна. Девушка, возможно, хотела стать человеком. Не исключено, что она устала от своей двойственной природы.

– А ты как думаешь?

– Не знаю, Конан. Если бы у меня была двойная природа, я не стал бы от нее отказываться. Всегда хорошо быть еще кем-то.

-- Например, лягушкой, – сказал Конан, бросая в воду палочку и пугая лягушку, которая возмущенно квакнула и сгнула в черной глубине вод.

– При чем тут лягушка? Разве ты не понял? Она может превращаться в дракона. Это древнее, прекрасное, могущественное существо. Я могу только предполагать, что испытывает дракон во время полета...

– А если ей охота быть обыкновенной женщиной? Чтобы ее любили и все такое – ну, о чем обычно мечтают порядочные женщины?

– Скажи, Конан, откуда тебе известны мечты порядочных женщин?

Конан обиделся.

– По-твоему, со мной только шлюхи путаются? Я несколько раз спасал от смерти и рабства вполне добропорядочных девушек, и впоследствии они находили себе таких же добропорядочных мужей... И теперь у них, наверное, уже народились добропорядочные дети...

– В любом случае, выбирать не нам с тобой, а Хлависе, – подытожил Тянь-По. – Осталось малое: понять, что хранится в этом ларце и как он открывается.

– Словом, мы на том самом месте, откуда начали, – мрачно проговорил Конан. – Я так и думал.

– Что ты думал? Что от меня не будет пользы? – Тянь-По сердито шурился и тянул себя за ус. – Так и говори! Между прочим, я прочитал надпись, и теперь мы с тобой знаем, кто эта белокурая незнакомка, которая путешествует одна и знакомится с варварами в придорожных тавернах. – Внезапно кхитаец сменил тему: – Где ты остановился?

– Пока нигде. Пришел в Лакшми и сразу к тебе.

– Поживи пока в монастыре, – предложил Тянь-По. – Я представлю тебя ученикам. Расскажешь им притчи. У тебя хорошо получается. А я пока подумаю, как нам вскрыть тайник.

* * *

Несколько дней приятели почти не виделись. Тянь-По действительно познакомил Конана со своими учениками – их было человек двадцать, почти все молодые, за исключением двух мужчин в возрасте и одного старика.

Все они жаждали просветления и добросовестно старались выполнять все указания своего учителя. Поэтому когда кхитаец, спрятав под тяжелыми веками смешливые искорки в узких глазах, велел им беспрекословно слушаться Конана-киммерийца, великого учителя, те лишь послушно поклонились.

Великий учитель из Киммерии построил будущих каллиграфов в шеренгу и прошелся перед строем взад-вперед. Он раздумывал. Ученики «ели» его глазами, готовые бежать и выполнять упражнения или садиться на землю и замирать в медитации.

Конан откашлялся.

– Каллиграфия имеет тесную связь с жизнью, – произнес он, стараясь сохранять кислое выражение лица, которое, по мнению киммерийца, должно быть свойственно великому учителю. – Мы рисуем не просто разные закорючки, которые на трезвую голову и не разберешь. Нет, мы создаем целые миры. Долгую жизнь и великую мудрость какого-нибудь философа можно вместить в несколько значков, и только посвященный разберет, что за чушь тут понаписана. Поэтому... -- Конан помолчал немного. Что бы еще такого сказать? И что

«поэтому»? Он снова откашлялся. – Итак, притча. Жил один воин, который не владел искусством каллиграфии. Однажды ему встретился могучий, злобный... э... другой воин. Но поскольку наш воин хорошо владел мечом, то он превратил второго воина в мертвеца. Он сделал это мечом. Всем понятно?

– Учитель, – робко подал голос один из учеников, молодой, бритоголовый, смуглый человек с выпирающими скулами и торчащими ключицами. На нем была только набедренная повязка.

– Я слушаю тебя, – Конан подбоченился.

– Учитель, но какое отношение эта притча имеет к каллиграфии?

– К каллиграфии? – Конан подумал немного и вдруг его осенило. – А вот какое! Своим мечом он нарисовал на теле убитого иероглиф «мертвый дурак».

– А как пишется этот иероглиф? – снова спросил любознательный ученик.

– По-разному, – многозначительно ответил Конан. – А теперь пусть кто-нибудь из вас расскажет притчу, и все мы попробуем истолковать ее.

После того, как притчи закончились – а произошло это гораздо раньше, чем надеялся Конан, – все снова искательно воззрились на него.

Тогда Конан сказал:

– Ладно. Поучимся писать иероглифы собственной судьбы. Найдите себе длинные ровные палки. Я покажу, как фехтовать посохами.

По возвращении Тянь-По с ужасом увидел, как его ученики лихо лупят друг друга палками, а киммериец расхаживает по краю тренировочной поляны и дает указания, не стесняясь при этом в выражениях.

Кхитаец громко хлопнул в ладоши. Состязание остановилось.

– Кому понравилось? – спросил Конан. Понравилось всем, даже старику. Тянь-По поклонился Конану. Конан в ответ

вежливо поклонился Тянь-По. Ученики благоговейно созерцали этот обмен любезностями.

Потом Тянь-По велел всем отдыхать, а сам остался с Конаном наедине.

– Я переписал для тебя иероглифы и их истолкование. Возьми. – Он протянул киммерийцу листок. – Но что касается сундучка... По-моему, стоит обратиться за советом к опытному взломщику.

– Я, по-твоему, недостаточно опытен?

– По-моему, недостаточно, раз ты до сих пор не сообразил, как эта вещь открывается.

– Взломщики, в отличие от каллиграфов, – неприятные люди. Они непременно захотят себе долю, а под конец попытаются тебя надуть и захватить все.

– Конан, я не знаю, как открывается драконий сундук. Понимаешь? И ты не знаешь. Нужен взломщик.

– Завтра же найму глашатая. Пусть кричит по улицам Лакшми: «Конану-варвару, великому учителю из Киммерии, знатоку притч о каллиграфии, требуется квалифицированный взломщик!» Как ты думаешь, поможет?

– Валом повалят.

Конан дружески толкнул Тянь-По кулаком в бок, от чего кхитаец покачнулся, и отправился восвояси. Маленький кхитаец проводил его глазами и весело покачал головой. Он до смешного напоминал сейчас фарфоровую статуэтку и, конечно, знал об этом.

* * *

Лакшми остался позади. Конан шел на запад. Он миновал несколько селений и оказался в Фарасе – безобразном с виду городке, что раскинул глинобитные плоские хижины в небольшой долине, образованной рекой Запорожкой недалеко от впадения ее в море Вилайет. К югу высились горы – здесь они казались размазанными по мутному небу. Запорожка, в нижнем течении довольно широкая, сейчас обмелела, и жирная рыжая глина

дна бесстыдно выставила себя на обозрение. Фарас очень не нравился Конану, но остановиться было необходимо: припасы заканчивались, и варвар чувствовал себя уставшим. Кроме того, он намеревался купить себе лошадь, а Фарас известен летними лошадиными ярмарками.

Киммериец успел только справиться о времени ближайшей ярмарки, когда на него обрушилась новость: сегодня на главной площади Фара-са (по правде сказать – небольшой грязной площадке, окруженной непривлекательными торговыми рядами) будут вешать женщину.

Конокрадов в этих краях, конечно, хоть отбавляй. Кого-то ловили на краже и били тут же, не сходя с места. Кого-то отправляли в большие города под конвоем, где совершалось отсечение руки в торжественной обстановке. Иногда незадачливого вора попросту побивали камнями. Но чтобы в Фарасе публично вешали женщину! Такого не припомнят здешние старожилы.

Конан насторожился. Он знал только одну женщину, которая умела довести оппонентов до подобного желания. И звали эту женщину Зона-ра. Свой жизненный путь она начинала как акробатка, но довольно быстро сменила специальность и воспользовалась цирковыми навыками для того, чтобы проникать в чужие окна и выносить из чужих домов все более-менее ценное.

У нее был довольно дерзкий нрав. Уж кто-кто, а Зонара умела вывести из себя. И если какая-нибудь другая воровка, попавшись «на горячем», ухитрялась выпутаться из беды, предложив кому нужно свои ласки, то Зонара сочилась таким разъедающим ядом, что стражники торопились избавиться от нее, а палачи плевались и не знали куда деваться.

Поэтому Конан отправился посмотреть на казнь.

Народу собралось тьма-тьмушая – по меркам Фараса, конечно. Киммерийца всегда удивляло: как много женщин приходит полюбоваться на страдания и смерть. Эти нежные существа, добропорядочные домохозяйки, превращались в настоящих фурий, когда речь заходила о проступках женщин другого сорта – проституток, воронок, наемниц. Их ненависть поистине устрасала. И Конан не раз говорил себе, что в тысячу раз лучше жить с какой-нибудь подругой-наемницей, которая свой меч ценит куда больше, нежели своего любовника, чем с «приличной дамой», которая забрасывает гнилыми яблоками какую-нибудь несчастную шлюху, стянувшую чужой кошелек.

– Дураки! Вы думаете, что убьете меня? Кишка тонка! Убери лапы, ты, геморрой с усами! – донеслось из крытого возка, который притащили на площадь два сонных толстых мула.

Конан улыбнулся. Он узнал этот голос. Зонара!

Двое стражников, красных от натуги, вытащили ее из возка. Она упиралась и билась ногами.

– Отпусти! Дурак! – кричала женщина. – На кого ты поднял руку? Я родственница короля Аквилонии!

– Аквилония далеко, – пыхтел стражник.

– Тебе не поздоровится! – обещала Зонара и, изловчившись, плюнула ему в глаз.

– Ах ты, сучка! – стражник обтер лицо и занес кулак, чтобы ударить пленницу.

Конан еще раз огляделся по сторонам. Две хороших лошади под седлом стояли неподалеку от того места, где лягалась и бранилась Зонара. Они принадлежали, судя по всему, начальнику городской стражи и кому-то из магистратов – возможно, судье. Больно уж хороши лошадки. Здешнюю публику киммериец просто не принимал в расчет. Если удастся добраться до коней, то зрителей можно будет просто смести с дороги.

Конан потихоньку начал пробираться к коням. Он переместился на край площади, где народу было поменьше, и двинулся к возку. Зонара продолжала скандалить. Теперь возле нее копошилось уже пятеро стражников. И лишь один оставался помосте, рядом с палачом, который, несмотря на маску с прорезями для глаз, скрывавшую лицо, имел довольно глупый вид. Свалка возле возка имела тенденцию к расширению, насколько мог оценить Конан.

Вот один из стражников случайно попал по уху зрителю, а тот попытался ответить на несправедливый удар и задел соседа. Конан подлил масла в огонь, нанеся несколько ударов налево и направо. На киммерийца напало разом трое. Взвыв страшным голосом, варвар разметал противников и сделал большой прыжок. До коней теперь рукой подать.

Зонара орала и визжала, не переставая. Ее нежный ротик поливал окружающих мужчин страшной бранью, связанные руки дергались, голова бодала, колени норовили заехать в пах противникам.

– Утихомирьте эту девку! – звучно приказал хорошо одетый мужчина в черном. Надо полагать, судья.

Но выполнить этот приказ оказалось куда труднее, чем отдать его.

Конан продолжал сеять беспорядки. Драка покатила по площади, как огонь, запаливший край свитка. Истерично вскрикивали женщины. В ход пошли когти и припасенные для Зонары гнилые фрукты.

Одним могучим ударом ноги Конан опрокинул возок и вскочил сверху, прямо на дерущихся людей. Свалка к тому времени уже стала всеобщей. Над головами взлетали кулаки и палки, кого-то тянули за волосы. Несколько человек упало, и их топтали.

– Зонара! – гаркнул киммериец.

Он нашел связанные руки и потянул. Вереща от боли, Зонара выбралась из кучи тел. Один стражник пытался удержать ее, но Конан «приголубил» его кулаком, и человек обмяк, закатив глаза.

Волоча за собой девушку, Конан бросился к лошадям. Он бесцеремонно забросил Зонару в седло одного коня, сам вскочил на другого. Лошади заржали, поднялись на дыбы. Зонара едва не упала – ее руки по-прежнему оставались связанными за спиной.

Конан ударил коня пятками.

– Вперед! – закричал он.

Сметая на своем пути людей, крепкие лошади помчались. Конан быстро свернул в первую же улицу, уводящую с площади. Прошло несколько минут, прежде чем горожане поняли, что произошло, и пустились в погоню. Кое-кто был верхом. Копыта стучали в переулках, доносились отовсюду – эхо гуляло среди стен и сбивало с толку.

Конан и Зонара оторвались от преследователей достаточно, чтобы скрыться за углом. Там они спешили, отпустив коней на волю. Конан наконец перерезал веревки и освободил свою приятельницу. Ни слова не говоря, она потащила его за собой. Конан вполне доверял ее чутью. Он не сомневался в том, что она провела в Фарасе всего несколько дней, но успела изучить в этом городишке все входы и выходы.

Они миновали несколько улиц, а затем нырнули в какой-то подвал и скрылись из виду.

– Где мы? – спросил Конан.

– Тише. У друзей.

Конан только головой покачал. У каких друзей? Откуда в таком городишке, как Фарас, могут оказаться друзья у Зонары?

– Я заплатила им, – объяснила девушка. – Точнее, пообещала плату.

– Ты ведь попалась.

– Верно.

– Значит, и денег у тебя нет.

– Зато они есть у тебя! – отрезала Зонара. – Они обещали укрыть меня, пока все не уляжется, а потом вывести из города.

– Местные жулики? – уточнил Конан.

– Именно. Давай деньги.

– Возможно, у меня их нет.

– О боги, только не это! – Зонара схватила себя за волосы в отчаянии. – Конан, они ведь собирались меня повесить!

– Наверное, было за что.

– Нет, клянусь тебе. Ко мне несправедливы.

– Что ты пыталась украсть, Зонара?
– В Фарасе есть богатый лошадиный. А у него есть жена. А у жены есть изумрудное ожерелье.
– И еще у жены есть бдительный охранник, не так ли?
– Так, – кисло улыбнулась Зонара. – Клянусь тебе, я была близка к цели. Но теперь нам нужно выбираться отсюда. Я вернусь за ожерельем чуть позже.
– Если мы выберемся отсюда, об ожерелье можешь забыть, – твердо сказал Конан. – Так и быть, я заплачу твоим друзьям.

* * *

«Друзья» Зонары, два хмурых типа, заросшие бородой до самых глаз, переодели и загримировали беглецов, причем Зонара превратилась в дряхлого белобородого старичка, а Конан – в чернокожего телохранителя. Две золотых монетки с изображением дракона удивили фарасских жуликов. Они попробовали деньги на зуб, повертели в пальцах, даже погрели на огне. Но золото оставалось золотом.

– Странные знаки на них, – сказал один. – Где ты нашел эти монеты?
– В одном хорошем месте. Тебе не нравится желтый цвет? – спросил Конан. – В таком случае, я могу дать тебе беленькие. Точнее, серенькие. А то и красненькие. Как насчет медяков?
– Нет, желтый цвет мне по душе, – отозвался жулик. – Дракон... Чья это монета, хотел бы я знать?

– Дракона, – сказал Конан. – Благодарю тебя за помощь. Ты спас жизнь этой женщине, а ей, скажу тебе честно, – тут киммериец низко наклонился над ухом своего собеседника и прошептал, обжигая того дыханием: – ей же цены нет!

И блеснул зубами, которые выглядели особенно жутко на черном лице.

Конан с Зонарой покинули городок пешком, целые и невредимые. Еще одна золотая монета осталась у стражников на воротах. Ученый белобородый старец что-то шамкал о каллиграфии и о необходимости отправиться в Хоарезм, на другой берег моря Вилайет, где ныне обитает светило каллиграфии... Чернокожий гигант-охранник свирепо вращал глазами и озирался по сторонам, выискивая возможную опасность.

Станным могло показаться только то, что расплачивался со стражниками именно охранник, а не его ученый господин. Но фарасские стражники были не настолько сообразительны, чтобы заподозрить в этом обстоятельстве нечто неладное.

* * *

Вечер под звездами наедине с Зонарой оказался далеко не таким прекрасным, как можно было бы предположить. Оба беглеца были голодны. Конан смастерил ловушку из веревки и поймал утку. Когда приятели насытились, луна давно прошла небесный зенит и медленно сползала к западному горизонту. Звезды безраздельно царили в черноте небес. Горы растворялись в ночной тьме. Маленький грязный городок остался позади. Кругом расстилалась широкая долина. Под ветром шуршала трава, насекомые неумолчно пели, и где-то далеко страдающим голосом кричала ночная птица.

Зонара вытянулась на земле и вдруг горько заплакала.

– Боги, как я устала! – всхлипывала она. – Кругом только слюнявые пасти, загребущие лапы, только злые глаза! А эти женщины!

– Ты тоже думала о них? – спросил Конан. Зонара приподнялась на локте.

– Да, а что?

– Они отвратительны, – серьезно произнес варвар. – Ни одна из них мизинца твоего не стоит. Поверь.

– Ох, ты это просто так говоришь, чтобы я не расстраивалась! – Она снова разразилась

слезами. – Я ужасна! Жизнь прошла! Я уже старая! Скоро я не смогу воровать, скоро я попадусь, и со мной расправятся!

– Может быть, – невозмутимо произнес Конан, – а может быть, и нет.

– Но ты оказался рядом по чистой случайности.

– На самом деле, это была не случайность. Я искал тебя. Точнее, мне требовался взломщик.

– Только не это! – простонала Зонара. – Я не могу работать. У меня все кости болят. Знаешь, как они меня отделали?

– Им тоже от тебя досталось, – напомнил Конан. – Кроме того, я не хочу, чтобы ты работала. Тебе не придется лазать по стенам, обшаривать чужие комнаты, попадаться в ловушки и бежать с виселицы. Мне нужен совет.

– Очень интересно. И что мне будет за то, что я дам тебе полезный совет?

– Много-много денег. Сможешь купить себе дом и начать разводить яблони.

– Хорошо. Вот тебе совет: оставь меня в покое. – И Зонара демонстративно потянула носом. – Ты даже поплакать мне не даешь вволю.

– Да плачь себе на здоровье. Все равно твой совет ни гроша не стоит.

– Ладью. – Зонара сверкнула в темноте глазами. – Тогда я буду спать.

Она действительно заснула почти сразу после этих слов. А Конан смотрел на нее, спящую, еще некоторое время. Серебристый звездный свет смягчал ее резкие черты, скрывал выражение ожесточенности, таившееся в складке возле рта. Во сне Зонара выглядела просто красивой женщиной, которая устала, ужасно устала сражаться одна против целого-мира.

Утром все переменилось. От слабости Зонары не осталось и следа. Теперь это снова была прежняя акробатка с колючим нравом и гибким телом. И она, как и прежде, не ждала ничего доброго ни от мира, ни от людей.

Они позавтракали остатками вчерашней утки. Правда, остатков этих оказалось немного. Зонара жевала, с отрешенным видом разглядывая горы, высившиеся на горизонте.

– Куда ты направляешься? – спросила она наконец у своего спутника.

– У меня дела в Вендии, – немного уклончиво ответил Конан.

Девушка метнула в его сторону насмешливый взгляд.

– Странно. Мне показалось, что ты шел в противоположном направлении.

– Это тебе только показалось. Зонара пожала плечами.

– Не хочешь говорить – не говори. Мне-то что.

Противореча собственным словам, она протянула руку и коснулась колена Конана. Он покосился на эту руку, а затем, как бы невзначай, обнял девушку за талию.

– Ну и ну! – сказала Зонара. – Кажется, меня обнимает какой-то нахал.

Конан оглянулся.

– Где он? Что-то я не вижу его, Зонара.

С этими словами он повернул ее лицо к себе и поцеловал.

– А теперь он целуется! – воскликнула она, отрываясь от его губ.

– Не может быть!

И они повалились в траву, хохоча и тиская друг друга.

Прошло довольно много времени, прежде чем Конан выпустил Зонару из объятий. Она лежала, раскинув руки и с улыбкой глядя в небо.

– Как хорошо чувствовать себя живой! – проговорила она.

Конан вдруг засмеялся.

– Я почти уверен, что в давке, которую устроили добрые жители Фараса, пострадало несколько человек. И не исключено, что кое-кто из тех, кто пришел поглазеть на твою казнь, сейчас при смерти. Им здорово намяли бока. Я сам видел, как несколько зевак упали, а прочие и не подумали помочь им подняться.

– Так им и надо, – сказала Зонара мстительно. – Ненавижу обывателей. Стоит стащить у них медяк, и сразу воплей на всю Хайборию: «Ах, куда смотрят стражники! Ах, позовите судью! Ах, давайте отрубим негодьям-ворам руки-ноги!» А сами чуть что – ведут себя хуже,

чем наш брат.

– Ты совершенно права, – серьезно согласился Конан и опять поцеловал ее.

Зонара пробежала пальцами по нечесаной черной гриве варвара.

– Обожаю тебя, – объявила она. Конан высвободился.

– Если ты меня действительно обожаешь, то помоги в одном дельце. Это доброе жульничество. Гляди.

Он забрался в свой мешок, чтобы вытащить оттуда ларец, и вдруг замер. В мешке ничего не было. Конан несколько раз перетряхнул его – ничего. Поискал в траве – нет. Сундучка, взятого в доме Хлависы, и след простыл.

Некоторое время варвар вертелся на месте, как собака, которая потеряла след и теперь в недоумении ищет его. Затем он поднял голову и вдруг встретился глазами со своей подругой. Выражение ее лица показалось Конану чрезвычайно подозрительным.

Но не могла же Зонара украсть сундучок! Во-первых, когда? Сперва она ела, потом спала, а после занималась с ним любовью. Во-вторых, куда бы она его спрятала? Вещица немаленькая, а Зонара почти раздета. Нет, этого не может быть.

И все же... Странно поблескивают ее глаза. И искры в них бегают дьявольские, а в углах рта дергается улыбка. Вот-вот рассмеется женщина, язвительно и победоносно. Все-таки она его одолела. Все-таки доказала, что и она, Зонара, не лыком шита, хоть и спас ее Конан-варвар, вырвал прямо из лап палача.

– Зонара, это подло! – не выдержал Конан.

– Сдаешься? осведомилась она и уселась, опираясь на руки и выгибая спину. Конан посмотрел на ее острые груди, которые словно нацелились уколоть утреннее небо, на пышную копну волос, растрепанных и пыльных, на сверкающие глаза в обрамлении густых ресниц. Для этой женщины все в жизни – игра. Даже смерть.

– Говори, где сундук! – заревел Конан, внезапно приходя в ярость. – Иначе я собственными руками сверну твою лилейную шейку!

– И никогда не найдешь свое сокровище! – хихикнула она.

Конан еще раз осмотрел ее с ног до головы. На этом теле негде спрятать сундук. Еще бы под плащом он мог уместиться – будь Зонара более толстой. Но на ней. нет никакого плаща.

– Где он? – крикнул Конан и топнул ногой. Зонара поерзала на земле, поддразнивая киммерийца.

– Ну, угадай, угадай!

Он молчал, медленно краснея. Зонара особым чутьем уловила: хватит, игры кончились. Сейчас варвар рассвирепеет настолько, что его уже будет не остановить. Может и убить в припадке злости. Потом, конечно, пожалеет – но то будет потом...

Подбородком она указала на кучу листьев, сваленную под кустом.

– Какой ты ненаблюдательный, Конан! После ужина я отлучалась по нужде – помнишь?

– Мне что, следить за собственной сообщницей, когда она отлучается по нужде? – рявкнул Конан. – Ты с ума сошла! Ты можешь не воровать?

– Не могу, – ответила она вполне искренне. – Я прихватила с собой твою штучку и закопала ее в листьях. Я была уверена, что ты не обратишь на них внимания. Прости, Конан, – добавила она виновато. – Я просто хотела пошутить. Ты не сердишься?

– Сержусь, – буркнул он.

Но он не сердился. Зонара извивалась перед ним и так, и эдак, делала умильные рожицы, кривлялась, а потом опять полезла целоваться.

– Ну, Конан... Ты мне нужен, – шептала она жарко. – Мне так нужен такой мужчина, как ты...

– погоди. – Он стряхнул с себя ее жадные руки. – Да подожди ты! Вот косуля.

– Почему это я косуля? – она надула губы.

– Не знаю. Принеси-ка сюда этот сундук. В нем все дело.

– А откуда у тебя эта штука?

– Тащи сюда! – закричал Конан. – Что за обыкновение – все время тянуть время и болтать? Я тебе все покажу и расскажу.

– Надеюсь, ты хранишь в нем сокровище.

– Десять изумрудных ожерелий. Давай.

Зонара отправилась к куче листьев и действительно вскоре вернулась с сундучком Хлависы. Поставила его на землю и уселась рядом, скрестив ноги.

– Рассказывай, – потребовала она.

– Я познакомился с одной женщиной, – начал Конан.

Зонара фыркнула.

– Обычное начало всех твоих историй. И когда ты только образумишься?

– Когда женюсь на тебе. Итак, я познакомился с женщиной. Ее история записана здесь, на ларце. Она наполовину дракон, если тебе это интересно.

– Еще как интересно! Ты спал с драконом? Новый опыт, не так ли? А у нее нет ли, часом, брата?

– Заткнись. В этом сундуке она хранит нечто очень важное. Нечто, что поможет ей навсегда обрести человеческий облик.

– А при чем тут я, дорогой Конаи? Мне абсолютно все равно, в каком облике летает и ползает твоя очередная подруга.

Конану вдруг показалось, что Зонара ревнует. Странно, если учесть количество ее походов с различными мужчинами. Но женщины – в этом варвар был твердо убежден – вообще народ непредсказуемый.

– Просто покажи мне, как открывается этот сундук, – попросил Конаи, стараясь взять себя в руки и не наорать на Зоариу в очередной раз.

– Ну ладно, ладно. – Тонкие чувствительные пальцы пробежали по краю крышки в поисках скрытого механизма. Несколько минут Зонара сосредоточенно исследовала таинственный сундучок, а затем опустила руки.

– Что там? – нетерпеливо спросил Копан. – Ты поняла, в чем тут секрет?

– Не мешай. Я думаю.

Она действительно размышляла. То и дело ее рука принималась оглаживать выпуклую стенку сундучка, ощупывать иероглифы на кхитайской печатке. Затем вдруг она распахнула глаза и уставилась на Копана.

– Мне кажется, я понимаю, в чем тут дело... Конан, мы с тобой искали не там. У этого сундучка вообще нет крышки. Я слыхала о подобных обманках. С виду – ларец, хорошо закрытый, запечатанный, запаянный, околдованный... Понимай, как хочешь. А на самом деле просто цельнолитой кусок металла.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказала. Это не ларец. На самом деле это некое произведение искусства, которое не открывается.

Произнеся эти слова, Зонара откровенно наслаждалась произведенным эффектом. Конан сидел напротив нее, таращился на сундучок – который, по словам сообщницы, сундучком вовсе не являлся, – и имел совершенно растерянный вид.

– Но зачем же тогда она его прятала? – выговорил он наконец.

– Кто? Та женщина, с которой ты познакомился в Вендии? Белокурая красавица-дракон?

– Да. Она хранила его так, словно он содержит в себе нечто исключительно драгоценное. Поверь, Зонара, когда я говорю «исключительно», я имею в виду вещь, которую невозможно переоценить. Ты бы видела, какие там у нее груды камней, жемчугов и золота повсюду!

– Просто лежат, кучами? – недоверчиво переспросила Зонара.

– Ты мне не веришь! погоди, я тебе еще их покажу.

– Знаешь, Конан, мне почему-то боязно.

– Испугалась дракона?
– Нет. Боюсь, как бы мне не умереть от разрыва сердца при виде всех этих чудес и красот.

– Все-таки ты мне не веришь. Очень глупо, Зонара. Потому что у нее там настоящая сокровищница. И вот этот сундучок она прятала. А все остальное – нет.

– Кто поймет логику дракона! Подумай, киммериец. Люди – и те не всегда понимают друг друга, а тут – настоящая рептилия. У нее голова устроена совершенно по-другому. И видит она все не так, как мы.

– Может быть, дело в надписи, – рассуждал Конан.

– Зачем ради какой-то надписи создавать целый сундук! Ты меня смешишь, киммериец. Ха, ха, ха! – деланно рассмеялась Зонара. Затем она снова взяла в руки сундучок, перевернула его и... быстро отвинтила одну из ножек.

Ножка оказалась полой. Зонара просунула туда тонкие пальцы и вытащила нечто, завернутое в тонкую золотую бумагу, пропитанную воском.

– А вот и наш тайник! – торжествующе воскликнула она.

Конан вскочил.

– Ты все это время знала! Ты морочила мне голову разными глупостями про рептилий, чтобы помучить меня!

– Ну, не то чтобы я была так уверена, – протянула Зонара лениво. Теперь ее торжество было полным. – Но подозревала. Мне рассказывали, что эти обманки всегда не то, чем кажутся. Выглядят как ларец, а на самом деле – не ларец. Или эта ножка. Выглядит как ножка, а на самом деле – вместилище секретика.

– Или некоторые женщины, – сказал Конан. – Выглядят как женщины, а на самом деле – ядовитый тарантул.

– Ты преувеличиваешь, – зевнула Зонара и провела языком по губам.

– Да, тарантулы менее опасны. Зонара бросила сверточек Конану.

– Разверни, дружок. Посмотрим, что она так тщательно запрятала, твоя драконица. Стоит ли эта вещь таких ухищрений.

Конан осторожно снял бумагу, и на ладонь ему легла небольшая уздечка, сплетенная из женских волос.

– Ну и ну! – Зонара опять улеглась на землю, заложила руки за голову. – Она прятала простую уздечку.

– Тянь-По говорит, что в ларце должно храниться средство превратить драконицу в женщину – навсегда.

– Тянь-По?

– Бедный кхитайский каллиграф, – пояснил Конан. – Это он сам себя так называет. На самом деле – продувная бестия, но умник, каких мало. Чертит палочкой по рисовой бумаге разные загогулины, а потом учит целую свору бездельников разбираться в этих значках. И получает за это почет, уважение и кучу денег.

– Да, странный малый, – согласилась Зонара. – Ну так что ты надумал? Поедешь обратно в Вендию и попытаешься осчастливить красотку?

– Это уж как она захочет, – отозвался Конан и вдруг замер. Он что-то разглядел впереди. Сколько Зонара ни шурилась, она ничего не видела, но звериное чутье и острое зрение помогло варвару заметить чужаков прежде, чем те обнаружили его.

– Погоня? – спросила Зонара нервно.

– Нет, погоди. Для погони слишком мало пыли. Едет кто-то один. Спокойно едет, не спеша.

– Одинокий путник? – Зонара хищно раздула ноздри.

– Мы никого сейчас не будем грабить, – строго велел Конан. – Просто подождем, пока он подъедет поближе, и поговорим. Узнаем новости, понимаешь? Одинокие путники иногда бывают полезны.

– А иногда – опасны, – подхватила Зонара. – Особенно если это маги или, скажем,

киммерийцы в поисках заработка.

* * *

Вскоре таинственный всадник был уже довольно близко и можно было рассмотреть красивую белую лошадь, покрытую красной шелковой попоной с золотыми кистями. На лошади в высоком седле сидела женщина, закутанная в синее покрывало. По посадке головы Конан почти сразу признал Хлавису. Ему не было нужды спрашивать, как ей удалось так быстро оказаться здесь.

Если девушка умеет превращаться в дракона, она могла долететь за несколько часов. Видимо, ее привлек запах волосаной уздечки.

Зонара догадалась обо всем почти так же быстро. Метнув на Конана ревнивый взгляд, женщина спросила;

– Это она?

Конан молча кивнул.

Хлависа поравнялась с двумя приятелями и остановила коня. Некоторое время она смотрела на них молча с высоты своего седла. Затем Конан встал и протянул к ней руку.

– Здравствуй, Хлависа, – произнес он как ни в чем не бывало. – Помочь тебе сойти?

– Сними меня, – попросила она спокойно. – Мне трудно в этом платье. Я путаюсь и боюсь упасть.

Конан подхватил ее за талию и осторожно поднял на руки. На мгновение Хлависа обняла его за шею и обожгла щеку пламенным дыханием. Затем Конан поставил ее на землю.

– Это моя подруга Зонара, – представил он девушку.

Гибким изящным движением акробатка вскочила на ноги, медленно изогнулась и коснулась затылком земли, а после так же медленно выпрямилась.

– Рада видеть тебя, Хлависа, – произнесла она с очаровательной улыбкой.

Хлависа чуть опустила покрывало, открывая лицо. Они с Зонарой были совершенно разными, но обе чрезвычайно хороши собой. К счастью, Конану не нужно было выбирать между ними. Он мог владеть обеими, и обе были не против.

– Я знаю, что ты забрал уздечку, – сказала Хлависа, обращаясь к Конану.

– Прости. Мною двигало любопытство. Я с удовольствием верну ее тебе.

– Не нужно. – Хлависа остановила его движением руки. – Это соответствовало моему намерению. Я знала, что ты справишься. Я только ошиблась в расчетах. То ли луна стала прибавлять себе округлостей быстрее, то ли в моем жизненном цикле что-то переменялось, но я превратилась раньше, чем рассчитывала.

– А на что ты рассчитывала? – любопытствовал Конан.

– На то, что ты мне поможешь. Видишь ли, Конан, женщины бывают очень раздражительны.

– Да уж! – с сердцем молвил киммериец.

– Но я – это исключение из правил. Я не просто раздражительна – я зверь!

– Я видел тебя. Ты проглотила бедного слугу, словно конфету.

– Мне так жаль! – глаза Хлависы наполнились слезами. – Он был преданным человеком. Он знал, что ему угрожает опасность, и все же согласился постеречь мой покой. Все бы обошлось, если бы я успела рассказать тебе о своих превращениях.

– Я должен был что-то сделать для тебя?

– Набросить эту уздечку на морду дракона. Больше ничего не требуется. Это обуздает зверя во мне навсегда.

– Но ведь это опасное дело, не так ли? – промурлыкала Зонара. – Приближаться к разъяренному дракону и надевать на него уздечку?

– Верно, – Хлависа обернулась к акробатке и кивнула. – Поэтому я искала мужчину сильного, смелого и лишнего предубеждений.

– Кстати, о предрассудках, – еще более мягко продолжала Зонара, – он ведь мог убить тебя. У Конана нет предрассудков, поверь мне. Если женщина угрожает его жизни, он в состоянии убить и женщину.

– Это не вполне так, – слабенько возразил Конан, но Зонара его не слушала.

– Он, конечно, милый, но если его разозлить...

– Именно это ты сейчас и делаешь, Зонара! – не выдержал Конан. Затем он снова заговорил с Хлависой: – Мой друг, мудрец из Кхитая, говорит, что лишаться двойственной природы – значит, обеднять себя.

– Не исключено, что он прав. Но я хочу выйти замуж...

– Надеюсь, не за Конана? – снова вмешалась Зонара. – Потому что он никогда не женится.

– Женюсь, когда найду мою королеву, – сердито огрызнулся Конан.

– Ладно, ладно. Ты же у нас король, а я и забыла. – И Зонара принялась разглядывать ногти у себя на руках.

– Я хочу выйти замуж за одного вендийского вельможу, – тихо продолжала Хлависа. – Он не слишком богат, но молод, красив и безумно любит меня.

– Ужас, – демонстративно громким шепотом отреагировала Зонара.

Хлависа сделала вид, что не слышит.

– Мы прожили бы вместе долгую, тихую жизнь. У меня прекрасные сады – Конан, ты их видел. Я собрала богатейшую коллекцию произведений искусства. Как всякий дракон, я обожаю владеть сокровищами. Я хочу жить в любви, среди прекрасных вещей...

– Понятно, понятно. Превращения в дракона никак не входит в число тихих семейных радостей, – перебил Конан. – Хорошо. Я сделаю для тебя то, о чем ты просишь. Только скажи – как.

– Через три недели я снова превращусь в дракона. Ты должен находиться поблизости. Когда это случится – набросишь уздечку. Можешь приковать мои руки и ноги к стенам. В подземелье довольно крепкие стены, они могут выдержать.

– Да ладно, – хмыкнул Конан. – Не надо ничего приковывать. Едем. Нам еще предстоит добраться до твоего дома, а путь, как мне представляется, неблизкий.

– А как же я? – возмутилась Зонара. – Вы двое так и бросите меня здесь одну?

– С тобой твоя жизнь, ты не забыла? – обернулся к ней Конан. – Вас по крайней мере двое.

– Неблагодарная свинья! – сказала Зонара. Конан обернулся и запустил в нее рубином, украденным в доме Хлависы.

– Забери и не плачь, – крикнул он. – Я люблю тебя! Увидимся через пару лет, если твоя жизнь не передумает и не сбежит к кому-нибудь другому, более сговорчивому.

Зонара схватила камень и поднесла его к глазам. Солнечный свет проник сквозь прозрачные грани, и залил весь мир для Зонары густым и терпким красным вином.

– Изумительно, – прошептала она. – Кое в чем Конан не уступает даже дракону.

* * *

– Мне жаль дракона, – грустно молвил Тянь-По, когда спустя месяц Конан опять объявился в Лакшми. – Это такое красивое животное! А в сочетании с женской нежностью...

– Знаешь, друг, – перебил его Конан, – она была довольно жуткой. По крайней мере, с виду.

– Но ведь она не слопала тебя! – возразил Тянь-По. – Подумать только, отказаться от полетов, от второй натуры, от плоти, подобной плоти небожителей! – Он скорбно покачал головой. – Уму непостижимо.

– Она сделала это ради любви, – назидательно произнес Конан, подражая тону здешних учителей.

– Все равно! – не уставал сокрушаться Тянь-По. – А я, бедный кхитайский каллиграф,

так мечтал увидеть летящего дракона! Я нарисовал бы его тушью на рисовой бумаге и создал иероглиф, который рассказал бы всю эту историю единым значком.

Конан сунул руку под плащ и вытащил флягу, полную вина. В монастыре было настрого запрещено употреблять горячительные напитки. Нет, никогда в жизни Конан-киммериец не поймет этих вендийцев и кхитайцев. Удивительные люди! Просто поразительные!